

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ

СОЧИНЕНИЙ

КНЯЗЯ П. А. ВЯЗЕМСКАГО

ТОМЪ X.

1853 — 1878 гг.

ИЗДАНИЕ

Графа С. Д. Шереметева.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 2 лив., 7.

—
1886

А Д О Л Ь Ф Ъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Двадцати двухъ лѣтъ я кончилъ курсъ ученія въ Гёттингенскомъ университетѣ. Отецъ мой, министръ курфштра ***, хотѣлъ, чтобъ я объѣздилъ замѣчательнѣйшія страны Европы. Онъ намѣренъ былъ послѣ взять меня къ себѣ, опредѣлить въ департаментъ, коего управленіе было ему ввѣрено, и приготовить меня къ заступленію своей должности. Трудомъ довольно упорнымъ, среди самой разсѣянной жизни, удалось мнѣ пріобрѣсть успѣхи, которые отличили меня отъ товарищей въ ученіи и вселили въ родителя моего надежды на меня, вѣроятно, весьма имъ увеличенныя.

Сіи надежды сдѣлали его чрезмѣрно снисходительнымъ ко многимъ моимъ проступкамъ. Онъ никогда не подвергалъ меня неприятнымъ послѣдствіямъ моихъ шалостей. Въ этомъ отношеніи, онъ всегда удовлетворялъ моимъ просьбамъ и часто упреждалъ ихъ.

По несчастію, въ его поступкахъ со мною больше было благородства и великодушія, нежели нѣжности. Я былъ убѣжденъ въ правахъ его на мою благодарность и на мое почтеніе; но никогда не заводилось между нами ни малѣйшей довѣренности. Въ его умѣ было что-то насмѣшливое, а это не соглашалось съ моимъ характеромъ. Я тогда былъ побуждаемъ одною недоли-

мою потребностію предаваться симъ впечатлѣніямъ, первобытнымъ и стремительнымъ, которыя выносятъ душу изъ границъ обыкновенныхъ и внушаютъ ей презрѣніе къ предметамъ, ее окружающимъ. Я видѣлъ въ отцѣ не правоучителя, но наблюдателя холоднаго и ѣдкаго, который сначала улыбался, и вскорѣ прерывалъ разговоръ съ нетерпѣніемъ. Въ теченіи первыхъ осмнадцати лѣтъ своихъ, не помню ни одного съ нимъ разговора, который продолжался бы съ часъ. Письма его были благосклонны, исполнены совѣтовъ благоразумныхъ и трогательныхъ. Но когда мы сходились, въ его обращеніи со мною было нѣчто принужденное, для меня неизяснимое и обратно на меня дѣйствовавшее самымъ тягостнымъ образомъ. Я тогда не зналъ, что такое застѣнчивость, сіе внутреннее мученіе, которое преслѣдуетъ насъ до самыхъ позднихъ лѣтъ, отбиваетъ упорно на сердце наше впечатлѣнія глубочайшія, охлаждаетъ рѣчи наши, искажаетъ въ устахъ нашихъ все, что сказать покушаемся, и не даетъ намъ выразиться иначе, какъ словами неопредѣлительными, или насмѣшливостью болѣе или менѣе горькою, какъ будто на собственныхъ чувствахъ своихъ мы хотимъ отмстить за досаду, что напрасно стараемся ихъ обнаружить. Я не зналъ, что отецъ мой даже и съ сыномъ своимъ былъ застѣнчивъ, что часто, ожидая долго отъ меня изъясненія нѣжности, которую, казалось, заграждала во мнѣ его наружная холодность, онъ уходилъ отъ меня со слезами на глазахъ и жаловался другимъ, что я его не люблю.

Принужденность моя съ нимъ сильно дѣйствовала на мой характеръ. Какъ онъ, равно застѣнчивый, но болѣе безпокойный, потому что былъ моложе, я привыкалъ заключать въ себѣ всѣ свои ощущенія, задумывать планы одинокіе, въ ихъ исполненіи на одного себя надѣяться, и почитать предостереженія, участіе, помощь и даже единое присутствіе другихъ за тягость и препятствіе. Я приучилъ себя не говорить никогда о томъ, что меня занимало и, порабощаясь разговору, какъ довучной необходимости, оживлять его непрерывною шуткою, которая лишала его обыкновенной томительности и помогала мнѣ утаивать истинныя мои мысли. Отъ сего произошелъ у меня въ

откровенности недостатковъ, въ которомъ и нынѣ уворяютъ меня пріатели, и трудность повести разговоръ разсудительный для меня почти всегда неодолима. Слѣдствіемъ сего было также пылокое желаніе независимости, нетерпѣніе, раздраженное связями, меня окружающими, и непобѣдимый страхъ поддаться новымъ. Мнѣ было просторно только въ одиночествѣ: таково еще и нынѣ дѣйствіе сей наклонности души, что въ обстоятельствахъ самыхъ маловажныхъ, когда мнѣ должно рѣшиться на одно изъ двухъ, лице человѣческое меня смущаетъ, и я по природному движенію убѣгаю отъ него для мирнаго совѣщанія съ самимъ собою. Я не имѣлъ однакоже того глубокаго эгоизма, который выказывается подобнымъ свойствомъ. Заботясь только о себѣ одномъ, я слабо о себѣ заботился. На днѣ сердца моего таилась потребность чувствительности, мною не замѣчаемая; но, не имѣя чѣмъ удовольствоваться, она отвлекала меня постепенно отъ всѣхъ предметовъ, поочередно возбуждавшихъ мое любопытство. Сіе равнодушіе ко всему утвердилось еще болѣе мыслию о смерти, мыслию, поразившею меня въ первую мою молодость, такъ что я никогда не постигалъ, какъ могутъ люди столь легко отвлекать себя отъ нея. Семнадцати лѣтъ былъ я свидѣтелемъ смерти женщины уже въ лѣтахъ, которой умъ, свойства замѣчательнаго и страннаго, способствовалъ къ развитію моего. Сія женщина, какъ и многія, при началѣ поприща своего кинулась въ свѣтъ, ей неизвѣстный, съ чувствомъ необыкновенной силы душевной и способностями, въ самомъ дѣлѣ могущественными, и такъ же, какъ многія, за непокорность приличіямъ условнымъ, но нужнымъ, она увидѣла надежды свои обманутыми, молодость, протекшую безъ удовольствій, и наконецъ старость ее постигла, но не смирила. Она жила въ замкѣ, сосѣдственномъ съ нашими деревнями, довольная и уединенная, имѣя подмогою себѣ единый умъ свой и все подвергая изслѣдованію ума своего. Около года, въ неистощимыхъ разговорахъ нашихъ, мы обзрѣвали жизнь во всѣхъ ея видахъ и смерть неизбѣжнымъ концемъ всего. И столько разъ бесѣдовавъ съ нею о смерти, я наконецъ долженъ былъ видѣть, какъ смерть и ее поразила въ глазахъ моихъ.

Сіе происшествіе исполнило меня чувствомъ недоумѣнія о жребіи человѣка и неопредѣленною задумчивостью, которая меня не покидала. Въ поѣздахъ читалъ я преимущественно мѣста, наминавшія о кратковременности жизни человѣческой. Мнѣ казалось, что никакая цѣль недостойна никакихъ усилій. Довольно странно, что сіе впечатлѣніе ослабѣвало во мнѣ именно по мѣрѣ годовъ, меня обременявшихъ, отъ того ли, что въ надеждѣ есть нѣчто сомнительное, и что когда она сходитъ съ поприща человѣка, сіе поприще приѣмлетъ видъ болѣе мрачный, но болѣе положительный; отъ того ли, что жизнь кажется глазамъ нашимъ тѣмъ дѣйствительнѣе, чѣмъ болѣе пропадаютъ заблужденія, какъ верхи скалъ рисуются явственнѣе на небосклонѣ, когда облака разсѣваются.

Оставя Геттингенъ, я прибылъ въ городъ ***; онъ былъ столицею принца, который по примѣру почти всѣхъ Германскихъ принцевъ, правилъ кротко областью необширною, покровительствовалъ людямъ просвѣщеннымъ, въ ней поселившимся, давалъ всѣмъ мнѣніямъ свободу совершенную, но самъ, по старинному обычаю, ограниченный обществомъ своихъ придворныхъ, собиралъ по этой причинѣ вокругъ себя людей, большею частію, малозначущихъ и посредственныхъ. Я былъ встрѣченъ при этомъ дворѣ съ любопытствомъ, которое необходимо возбудить долженъ каждый пріѣзжій, разстраивающій присутствіемъ своимъ порядокъ однообразія и этикета. Нѣсколько мѣсяцевъ ничто въ особенности не приковывало моего вниманія. Я былъ признателенъ за благосклонность, мнѣ оказанную; но частью застѣнчивость моя не давала мнѣ ея пользоваться, частью усталость отъ волненія безъ цѣли заставляла меня предпочитать уединеніе приторнымъ удовольствіямъ, къ коимъ меня приглашали. Я ни къ кому не питалъ неприязни, но немногіе внушали мнѣ участіе: а люди оскорбляются равнодушіемъ; они приписываютъ его недоброжелательству, или снѣсивой причудливости. Имъ никакъ не вѣрится, что съ ними просто случаетъ. Иногда я старался побѣдить свою скуку. Я укрывался въ глубокую молчаливость: ее принимали за презрѣніе. По временамъ, утомленный самъ своимъ молчаніемъ, я подавался на шутки, и

умъ мой, приведенный въ движеніе, увлекалъ меня изъ мѣры. Тогда обнаруживалъ я въ одинъ день все, что мною было замѣчено смѣшнаго въ мѣсяцъ. Наперсники моихъ откровеній, нечаянныхъ и невольныхъ, не были во мнѣ признательны, и по дѣломъ: ибо мною обладала потребность говорить, а не довѣрчивость. Бесѣдами своими съ женщиною, которая первая раскрыла мои мысли, я былъ приученъ къ неодолимому отвращенію отъ всѣхъ пошлыхъ правоученій и навидательныхъ формулъ. И когда предо мною посредственностью словоохотно разсуждала о твердыхъ и неоспоримыхъ правилахъ нравственности, приличій или религіи, кои любитъ она подводить иногда подъ одну чреду, я подстрекаемъ бывалъ желаніемъ ей противорѣчить: не потому, что держался мнѣній противныхъ, но потому, что раздраженъ былъ убѣжденіемъ столь плотнымъ и тяжелымъ. Впрочемъ, не знаю, всегда какое-то чувство предостерегало меня не поддаваться симъ аксіомамъ, столь общимъ, столь не подверженнымъ ни малѣйшему исключенію, столь чуждымъ всякихъ оттѣнковъ. Глупцы образуютъ изъ своей нравственности какой-то слой твердый и нераздѣлимый, съ тѣмъ, чтобы она, какъ можно менѣе, смѣшивалась съ ихъ дѣяніями и оставила бы ихъ свободными во всѣхъ подробностяхъ.

Такимъ поведеніемъ я вскорѣ распустилъ о себѣ славу человека легкомысленнаго, насмѣшливаго и злобнаго. Мои ѣдкіе отзывы пошли за свидѣтельство души ненавистливой; мои шутки — за преступленія, посягающія на все, что есть почтеннаго. Люди, предъ воими провинился я, насмѣхаясь надъ ними, нашли удобнымъ вооружиться за одно съ правилами, которыя, по ихъ словамъ, я подвергалъ сомнѣнію: и потому, что мнѣ удалось нехотя позабавить ихъ другъ надъ другомъ, они всѣ соединились противъ меня. Казалось, что, обличая ихъ дурачества, я какъ будто бы выдаю тайну, которую мнѣ они ввѣрили; казалось, что, явившись на глаза мои тѣмъ, чѣмъ были въ самомъ дѣлѣ, они обязали меня влятвою на молчаніе: у меня на совѣсти не лежало согласія на договоръ слишкомъ обременительный. Имъ весело было давать себѣ полную волю, мнѣ наблюдать и описывать ихъ; и что именовали они предательствомъ, то въ гла-

захъ моихъ было возмездіемъ, весьма невиннымъ и законнымъ.

Не хочу здѣсь оправдываться. Я давно отказался отъ сей суетной и легкой повадки ума неопытнаго: хочу только сказать, и то въ пользу другихъ, а не себя, уже въ безопасности отъ свѣта, что нельзя въ короткое время привыкнуть къ человѣческому роду, какимъ является онъ намъ, преобразованный своекорыстіемъ, принужденностью, чванствомъ и опасеніемъ. Изумленіе первой молодости при видѣ общества, столь поддѣльнаго и столь разработаннаго, знаменуетъ болѣе сердце простое, нежели умъ злобный и насмѣшливый. Притомъ же нечего страшиться обществу. Оно такъ налегаетъ на насъ, скрытое вліаніе его такъ могущественно, что оно безъ долговременной отсрочки обдѣлываетъ насъ по общему образцу. Мы тогда дивимся одному прежнему удивленію, и намъ становится легко въ нашемъ новомъ преображеніи: такъ точно подъ конецъ дышешь свободно въ театральной залѣ, набитой народомъ, гдѣ сначала съ трудомъ могъ переводить дыханіе.

Если немногіе и избѣгаютъ сей общей участи, то они сокрываютъ въ себѣ свое тайное разногласіе: они усматриваютъ въ большей части дурачествъ зародыши пороковъ, и тогда не забавляются ими, потому, что презрѣніе молчаливо.

Такимъ образомъ разлилось по маленькой публикѣ, меня окружавшей, безпокойное недоумѣніе о моемъ характерѣ. Не могли выставить ни одного поступка предосудительнаго; не могли даже отрицать достовѣрности нѣсколькихъ поступковъ моихъ, обнаруживавшихъ великодушіе или самоотверженіе; но говорили, что я человѣкъ безнравственный, человѣкъ ненадежный. Эти два прилагательныя счастливо изобрѣтены, чтобы намекать о дѣйствіяхъ, про которыя не вѣдаешь, и давать угадывать то, чего не знаешь.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Разсѣянный, невнимательный, скучающій, я не замѣчалъ впечатлѣнія, производимаго мною, и дѣлилъ время свое между занятіями учебными, часто прерываемыми, намѣреніями, не приводимыми въ дѣйствіе, и забавами для меня безъ удовольствія, когда обстоятельство, повидимому, весьма маловажное, произвело въ моемъ положеніи значительную перемѣну.

Молодой человѣкъ, съ которымъ я былъ довольно коротокъ, домогался уже нѣсколько мѣсяцевъ нравиться одной изъ женщинъ нашего круга, менѣе другихъ скучной; я былъ наперсникомъ, вовсе безкорыстнымъ, его предпріятія. Послѣ многихъ стараній онъ достигнулъ цѣли; не скрывавъ отъ меня своихъ неудачъ и страданій, онъ почелъ за обязанность повѣрить мнѣ и свои успѣхи. Ничто не могло сравниться съ его восторгами, съ изступленіемъ радости его. При зрѣлищѣ подобнаго счастья, я сожалѣлъ, что еще не испыталъ онаго. До той поры я не имѣлъ ни съ одной женщиной связи, лестной для моего самолюбія: казалось, новое будущее разоблачилось въ глазахъ моихъ; новая потребность отозвалась въ глубинѣ моего сердца. Въ этой потребности было безъ сомнѣнія много суетности; но не одна была въ ней суетность; можетъ статься, было ея и менѣе, нежели я самъ полагалъ. Чувства человѣка смутны и смѣшаны; они образуются изъ множества различныхъ впечатлѣній, убѣгающихъ отъ наблюденія; и рѣчь, всегда слишкомъ грубая и слишкомъ общая, можетъ послужить намъ къ означенію, но не къ опредѣленію оныхъ.

Въ домѣ родителя моего я составилъ себѣ о женщинахъ образъ мыслей, довольно безнравственный. Отцу моему, хотя онъ и строго соблюдалъ внѣшнія приличія, случалось, и нерѣдко, говорить легко о любовныхъ связяхъ. Онъ смотрѣлъ на нихъ, какъ на забавы, если непозволительныя, то, по-крайней мѣрѣ, извинительныя, и почиталъ одинъ бракъ дѣломъ важнымъ. Онъ держался правила, что молодой человекъ долженъ беречь себя отъ того, что называется сдѣлать дурачество, то есть, заключить обязательство прочное съ женщиною, которая не была бы ему совершенно равною по фортунѣ, рожденію и наружнымъ выгодамъ; но впрочемъ ему казалось, что всѣ женщины, пока не идетъ дѣло о женитьбѣ, могутъ безъ бѣды быть присвоены, потомъ брошены; и я помню его улыбку нѣсколько одобрительную при пародіи извѣстнаго изрѣченія: *„имъ отъ этого такъ мало бѣды, а намъ такъ много удовольствія“*.

Мало думаютъ о томъ, сколь глубокое впечатлѣніе наносятъ подобныя слова въ молодые лѣта; сколько въ возрастѣ, въ коемъ всѣ мнѣнія еще сомнительны и зыбки, дѣти удивляются противорѣчію шутовъ, привѣтствуемыхъ общею похвалою, съ наставленіями непреложными, которыя имъ преподаютъ. Сія правила, тогда въ глазахъ ихъ являются имъ пошлыми формулами, которыя родители условились твердить имъ для очистки своей совѣсти; а въ шуткахъ, кажется имъ, заключается настоящая тайна жизни.

Раздираемый неопредѣленнымъ волненіемъ, я говорилъ себѣ: „хочу быть любимъ“ и оглядывалъ кругомъ себя; смотрѣлъ, и никто не внушалъ мнѣ любви, никто не казался мнѣ способнымъ любить; вопрошалъ я сердце свое и свои склонности, и не чувствовалъ въ себѣ никакого движенія предпочтительнаго пристрастія. Такимъ образомъ, исполненный внутренно мученій, я познакомился съ графомъ П... Ему было лѣтъ сорокъ; его фамилія была въ свойствѣ съ моею. Онъ предложилъ мнѣ побывать у него. Несчастное посѣщеніе! Съ нимъ жила его любовница, полька, прославленная своею красотою, хотя и была она уже не первой молодости. Женщина сія, не смотря на свое невыгодное положеніе, оказала во многихъ случаяхъ ха-

рактерьъ необыкновенный. Семейство ея, довольно знаменитое въ Польшѣ, было раззорено въ смутахъ сего края. Отецъ ея былъ изгнанъ; мать отправилась во Францію искать убѣжища, привезла съ собою свою дочь и по смерти своей оставила ее въ совершенномъ одиночествѣ. Графъ П... въ нее влюбился. Мнѣ никогда не удалось узнать, какъ образовалась сія связь, которая, когда увидѣлъ я въ первый разъ Элеонору, была уже давно упроченною и, такъ сказать, освященною. Бѣдственность ли положенія, или неопытность дѣтъ винули ее на стезю, отъ которой, казалось, она равно ограждена была своимъ воспитаніемъ, своими привычками и гордостью, однимъ изъ отличительныхъ свойствъ ея характера? Знаю только то, что знали всѣ, а именно, что когда состояніе графа П... было почти въ конецъ раззорено и независимость его угрожаема, Элеонора принесла такіа доказательства преданности ему, съ такимъ презрѣніемъ отвергла предложенія, самыя блестящія, раздѣлила опасности его и нищету съ такимъ усердіемъ и даже съ такою радостію, что и самая разборчивая строгость не могла отказать отъ справедливой оцѣнки чистоты ея побужденій и безкорыстія поступковъ ея. Единственно ея дѣятельности, смѣлости, благоразумію, пожертвованіямъ всякаго рода, понесеннымъ ею безъ малѣйшаго ропота, любовникъ ея былъ обязанъ за возвращеніе нѣкоторой части своихъ владѣній. Они пріѣхали на житье въ Д... по дѣламъ тяжбы, которая могла вполне возвратитъ графу П... его прежнее благосостояніе, и думали они пробыть тутъ два года.

Умъ Элеоноры былъ обыкновенный, но понятія вѣрны, а выраженія, всегда простыя, были иногда разительны по благородству и возвышенности чувствъ ея. Она имѣла много предразсудковъ, но всѣ предразсудки ея были въ противоположности съ ея личною пользою. Она придавала большую цѣну безпорочности поведенія, именно потому, что ея поведеніе не было безпорочно по правиламъ общепринятымъ. Она была очень предана религіи, потому что религія строго осуждала ея родъ жизни. Она неуклонно отражала въ разговорахъ все, что для другихъ женщинъ могло бы вазаться шутками невинными, боясь

всегда, чтобы положеніе ея не подало кому нибудь права дозволить себѣ при ней шутки неумѣстныя. Она желала бы принимать къ себѣ только мужчинъ почетныхъ и нравовъ безпорочныхъ: потому что женщины, въ которыхъ она страшилась быть причисленною, составляютъ себѣ, по обыкновенію, общество смѣшанное, и, рѣшившись на утрату уваженія, ищутъ одной забавы въ сношеніяхъ общежитія. Элеонора, однимъ словомъ, была въ борьбѣ постоянной съ участію своею. Она каждымъ своимъ дѣйствіемъ, каждымъ своимъ словомъ противорѣчила, такъ сказать, разряду, въ которомъ была причтена, и чувствуя, что дѣйствительность сильнѣе ея, что стараніями своими не перемѣнить ни въ чемъ положенія своего, она была очень несчастлива. Она воспитывала съ чрезмѣрною строгостью двоихъ дѣтей, прижитыхъ ею съ графомъ П... Можно было подумать, что иногда тайное, мятежное чувство сливалось съ привязанностью болѣе страстною, нежели нѣжною, которую она имъ оказывала, и что отъ такого противоборства они бывали ей нѣкоторымъ образомъ въ тягость. Когда съ добрымъ намѣреніемъ говорили ей, что дѣти ея растутъ, замѣчали дарованія, въ нихъ показывающіяся, угадывали успѣхи, ихъ ожидающіе, она блѣднѣла отъ мысли, что со временемъ должна будетъ объявить имъ тайну ихъ происхожденія. Но малѣйшая опасность, часъ разлуки обращали ее въ нимъ съ безпокойствіемъ, вывазывавшемъ родъ угрызенія и желаніе доставить имъ своими ласками счастье, котораго сама она въ нихъ не находила. Сія противоположность между чувствами ея и мѣстомъ, занимаемымъ ею въ свѣтѣ, дала большую неровность ея праву и обхожденію. Часто она бывала задумчива и молчалива; иногда говорила съ стремительностью. Постоянно одержимая мыслью отдѣльною, она и посреди разговора общаго не оставалась никогда совершенно покойною, но именно потому во всемъ обращеніи ея было что-то неукротимое и неожиданное, и это придавало ей увлекательность, можетъ быть, ей несродную. Странность ея положенія замѣнила въ ней новизну мыслей. На нее смотрѣли съ участіемъ и съ любопытствомъ, какъ на прекрасную грозу.

Явившаяся моимъ взорамъ въ минуту, когда сердце мое тре-

бовало любви, а чувство суетное успѣховъ, Элеонора показала мнѣ достойною моихъ искусительныхъ усилій. Она сама нашла удовольствіе въ обществѣ человѣка, непохожаго на тѣхъ, которыхъ она доселѣ видѣла. Кругъ ея былъ составленъ изъ нѣсколькихъ друзей и родственниковъ любовника ея и женъ ихъ, которые изъ трусливаго угожденія графу П... согласились познакомиться съ его любовницею. Мужья были равно лишены и чувствъ и мыслей. Жены отличались отъ нихъ посредственностью болѣе безпкойною и торопливою, потому что не имѣли, подобно мужьямъ, этого спокойствія ума, приобретаемаго занятіемъ и дѣловою правильностью. Нѣкоторая утонченность въ шуткахъ, разнообразіе въ разговорахъ, соединеніе мечтательности и веселости, унынія и живаго участія, восторженности и насмѣшливости, удивили и привлекли Элеонору. Она говорила на многихъ языкахъ, хотя и несовершенно, но всегда съ движеніемъ, часто съ прелестью. Мысли, казалось, пробивались сквозь препятствія и выходили изъ сей борьбы съ новою пріятностію, простотою и свѣжестью, потому что чужеземныя нарѣчія молодятъ мысли и освобождаютъ ихъ отъ оборотовъ, придающихъ имъ поочередно нѣчто пошлое и вынужденное. Мы читали вмѣстѣ Англійскихъ поэтовъ, ходили вмѣстѣ прогуливаться. Часто бывалъ я у нея по утрамъ и къ ней же возвращался вечеромъ, бесѣдовалъ съ нею о тысячѣ предметовъ.

Я предполагалъ обойти наблюдателемъ холоднымъ и безпристрастнымъ весь очеркъ характера и ума ея; но мнѣ казалось, что каждое слово ея было облечено невыразимою прелестью. Намѣреніе ей понравиться влагало въ жизнь мою новое побужденіе, одушевляло мое существованіе необычайнымъ образомъ. Я приписывалъ прелести ея сіе дѣйствіе почти волшебное: я полнѣе наслаждался бы онымъ безъ обязательства, связавшаго меня передъ моимъ самолюбіемъ. Сіе самолюбіе было третьимъ между Элеонорою и мною; я почиталъ себя какъ бы вынужденнымъ идти скорѣе въ цѣли, себѣ предположенной и потому не предавался безъ оглядки впечатлѣніямъ своимъ. Я былъ въ нетерпѣніи объясниться. Ибо казалось мнѣ, что для успѣха стоило только мнѣ открыться. Я не думалъ, что люблю

Элеонору, но уже не могъ бы отказаться отъ мысли ей нравиться. Она меня занимала безпрестанно: я соображалъ тысячи намѣреній; вымышлялъ тысячи средствъ къ побѣдѣ съ этимъ неопытнымъ самонадѣяніемъ, которое увѣрено въ успѣхѣ потому, что ничего не испытало.

Однако же застѣнчивость непобѣдимая меня удерживала. Всѣ мои рѣчи прилипали къ языку моему, или договаривались совсѣмъ не такъ, какъ я предполагалъ. Я боролся внутренно и негодовалъ на самого себя.

Я прибѣгнулъ наконецъ къ умствованію, которое могло бы вывести меня съ честью въ собственныхъ глазахъ изъ сей томительной распри. Я сказалъ себѣ, что не должно ничего торопить, что Элеонора не довольно приготовлена къ признанію, которое я замышлялъ, и что лучше помедлить. Почти всегда, когда хотимъ быть въ ладу съ собою, мы обращаемъ въ расчеты и правило свое безсиліе и свои недостатки. Такая уловка въ насъ доводитъ до половины, которая, такъ сказать, есть зритель другой.

Сіе положеніе длилось. Съ каждымъ днемъ назначалъ я завтра срокомъ непремѣннымъ для признанія рѣшительнаго, и завтра было тоже, что наканунѣ. Застѣнчивость покидала меня, какъ скоро я удалялся отъ Элеоноры; тогда опять принимался я за свои искусныя предначертанія и глубокія соображенія. Но едва приближался къ ней, я снова чувствовалъ трепеть и замѣшательство. Кто сталъ бы читать въ сердцѣ моемъ въ ея отсутствіи, тотъ почелъ бы меня соблазнителемъ холоднымъ и мало чувствительнымъ. Но кто увидѣлъ бы меня близъ нея, тотъ призналъ бы меня за любовнаго новичка, смятеннаго и страстнаго. И то и другое сужденіе было бы ошибочно: нѣтъ совершеннаго единства въ человѣкѣ, и почти никогда не бываетъ никто ни совсѣмъ чистосердечнымъ, ни совсѣмъ криводушнымъ.

Убѣжденный сими повторенными опытами, что никогда не осмѣлюсь открыться Элеонорѣ, рѣшился я писать ей. Графъ П... былъ въ отлучкѣ. Боренія мои съ собственнымъ характеромъ, досада, что не удалось мнѣ переломить его, невѣдѣніе объ успѣхѣ моего покушенія отразились въ моемъ письмѣ вол-

неніемъ, очень похожимъ на любовь. Между тѣмъ разгоряченный собственнымъ моимъ слогомъ, я ощущалъ въ себѣ, ованчивая письмо, нѣкоторое дѣйствіе той страсти, которую старался выразить со всевозможною силою.

Элеонора увидѣла въ письмѣ моемъ то, что надлежало видѣть: порывъ минутный человѣка десятью годами ея моложе, котораго сердце растворилось чувствомъ, ему еще неизвѣстнымъ, и болѣе достойнаго жалости, нежели гнѣва. Она отвѣчала мнѣ съ кротостью, дала мнѣ совѣты благосклонные, предложила мнѣ дружбу искреннюю, но объявила, что до возвращенія графа П... она принимать меня не можетъ.

Сей отвѣтъ переверотилъ мнѣ душу. Мое воображеніе, раздраженное препятствіемъ, овладѣло всѣмъ моимъ существованіемъ. Любовь, которою за часъ передъ тѣмъ я самохвально лукавилъ, казалось, господствовала во мнѣ съ изступленіемъ. Я побѣждалъ къ Элеонорѣ: мнѣ сказали, что ея нѣтъ дома. Я написалъ ей, умолялъ ее согласиться на послѣднее свиданіе; я изобразилъ ей въ болѣзненныхъ выраженіяхъ мое отчаяніе, бѣдственные замыслы, на которые меня осуждаетъ ея жестокое рѣшеніе. Большую часть дня ожидалъ я напрасно отвѣта. Я усмиралъ свое неизъяснимое страданіе, повторялъ себѣ, что завтра отважусь на все для свиданія и для объясненія съ Элеонорою. Вечеромъ мнѣ принесли нѣсколько словъ отъ нея. Они были ласковы. Мнѣ сдавалось, что въ нихъ отзывается впечатлѣніе сожалѣнія и грусти; но она упорствовала въ своемъ рѣшеніи и говорила, что оно непоколебимо. Я снова явился къ ней въ домъ на другой день. Она выѣхала въ деревню, и люди не знали, куда именно. Они даже не имѣли никакого средства пересылать къ ней письма.

Я долго стоялъ недвижимъ у дверей, не придумывая никакой возможности отыскать ее. Я самъ дивился страданію своему. Память мнѣ приводила минуты, въ которыя говорилъ я себѣ, что добиваюсь только успѣха; что это была попытка, отъ коей откажусь свободно. Я никакъ не постигалъ скорби жестокой, неповоримой, раздиравшей мое сердце. Нѣсколько дней протекло такимъ образомъ. Я былъ равно неспособенъ къ раз-

сѣянiю и умственнымъ занятiямъ. Я бродилъ безпрестанно мимо дома Элеоноры; бѣгалъ по городу, какъ будто при каждомъ поворотѣ улицы могъ надѣяться встрѣтить ее. Однимъ утромъ, въ одну изъ сихъ прогулокъ безъ цѣли, которыя замѣняли волненiе мое усталостью, я увидѣлъ карету графа П..., возвращающагося изъ своей поѣздки. Онъ узналъ меня и вышелъ изъ кареты. Послѣ нѣсколькихъ общихъ словъ, я сталъ говорить ему, скрывая свое смятенiе, о неожиданномъ отъѣздѣ Элеоноры. Да, сказалъ онъ, съ одною изъ ея прiятельницъ, за нѣсколько миль отсюда, случилось какое-то несчастiе, и Элеонорѣ показало, что она можетъ доставить ей нѣкоторое утѣшенiе и пользу. Она уѣхала, не посоветовавшись со мною. Элеонора такого свойства, что всѣ чувства ея одолеваютъ ее, и душа ея, всегда дѣятельная, находитъ почти отдыхъ въ пожертвованiи. Но присутствiе ея мнѣ здѣсь нужно: я напишу ей, и она вѣрно возвратится черезъ нѣсколько дней.

Сiе увѣренiе меня успокоило: я чувствовалъ, что скорбь моя усмирится. Въ первый разъ съ отъѣзда Элеоноры я могъ свободно перевести дыханiе. Возвращенiе ея не послѣдовало такъ скоро, какъ надѣялся графъ П... Но я принялся за свою вседневную жизнь, и тоска меня удручавшая, начинала мало по малу разсѣиваться, когда, по истеченiи мѣсяца, графъ П... прислалъ мнѣ сказать, что Элеонора должна прiѣхать вечеромъ. Ему было дорого сохранить ей въ обществѣ мѣсто, на которое по характеру своему имѣла она право, и котораго, казалось, лишена была положенiемъ своимъ: для сего во дню прiѣзда пригласилъ онъ къ себѣ на ужинъ родственницъ и прiятельницъ своихъ, согласившихся на знакомство съ Элеонорою.

Мои воспоминанiя мнѣ явились снова, сперва смутно, потомъ живѣе. Мое самолюбіе въ немъ пристало: я былъ разстроенъ, униженъ встрѣчею съ женщиной, поступившей со мною, какъ съ ребенкомъ. Мнѣ мечталось заранѣе, будто, свидясь со мною, она улыбалась отъ мысли, что кратковременное отсутствiе усмирило пылъ молодой головы: и я угадывалъ въ этой улыбкѣ слѣдъ какого-то презрѣнiя ко мнѣ. Постепенно чувствованiя мои про-

буждались. Въ тотъ самый день всталъ я, не помышляя болѣе объ Элеонорѣ. Черезъ часъ послѣ извѣстія о ея пріѣздѣ, образъ ея носился передо мною, владычествовалъ надъ моимъ сердцемъ, и меня била лихорадка отъ страха, что ее не увижу.

Я просидѣлъ дома весь день и, такъ сказать, хоронился; дрожалъ, что малѣйшее движеніе предупредить нашу встрѣчу. Ничего однако же не было естественнѣе, вѣрнѣе: но я желалъ ея съ такимъ жаромъ, что она казалась мнѣ невозможною. Мучась отъ нетерпѣнія, безпрестанно смотрѣлъ на часы; открывалъ окно—мнѣ было душно. Кровь моя палила меня, струясь въ моихъ жилахъ.

Наконецъ, услышалъ я, что пробилъ часъ, въ который должно мнѣ было ѣхать въ графу. Мое нетерпѣніе перешло вдругъ въ робость; я одѣвался медленно, я уже не спѣшилъ пріѣхать. Такой страхъ, что ожиданіе мое будетъ обмануто, такое сильное чувство горести, мнѣ, можетъ быть, угрожающей, овладѣли мною, что я согласился бы охотно все отсрочить.

Было уже довольно поздно, когда я вошелъ въ гостиную графа П... Я увидѣлъ Элеонору, сидѣвшую во глубинѣ комнаты. Я не смѣлъ подойти; мнѣ казалось, что всѣ уставили глаза свои на меня. Я спрятался въ углу гостиной за мущинами, которые разговаривали. Оттуда я всматривался въ Элеонору: мнѣ показалось, что она нѣсколько измѣнилась и была блѣднѣе обыкновеннаго. Графъ отыскалъ меня въ убѣжищѣ, въ которомъ я какъ будто притаился, подошелъ ко мнѣ, взялъ за руку и подвелъ въ Элеонорѣ. Представляю вамъ, сказалъ онъ ей, смѣясь, того, который болѣе всѣхъ другихъ былъ пораженъ нечаяннымъ вашимъ отъѣздомъ. Элеонора говорила съ женщиною, сидѣвшею съ нею рядомъ. Она меня увидѣла, и слова ея замерли на языкѣ; она совершенно смѣшалась; я самъ былъ очень разстроенъ.

Насъ могли услышать; я обратился къ Элеонорѣ съ незначащими вопросами. Мы приняли оба наружность спокойствія. Доложили объ ужинѣ; я подаль Элеонорѣ руку, отъ которой она не могла отказаться. Если вы не общаете мнѣ, сказалъ я, ведя ее къ столу, принять меня къ себѣ завтра въ один-

надцать часовъ, я сей часъ ѣду, покидаю отечество мое, семейство родителей, расторгаю всѣ связи, отказываюсь отъ всѣхъ обязанностей, и куда бы ни было, пойду искать конца жизни, которую вамъ весело отравить. Адольфъ! отвѣчала она, и запиналась. Я показаль движеніемъ, что удаляюсь. Не знаю, что мои черты обнаружили, но я никогда не испытываль подобнаго сотрясенія.

Элеонора взглянула на меня: ужасъ, смѣшанный съ нѣжнымъ участіемъ, изобразился на лицѣ ея. Приму васъ завтра, сказала она мнѣ, но умоляю васъ... За нами слѣдовали многіе; она не могла договорить. Я прижалъ къ себѣ ея руку, мы сѣли за столъ.

Мнѣ хотѣлось-было сѣсть возлѣ Элеоноры, но хозяинъ дома распорядилъ иначе: я сѣлъ почти противъ нея. Въ началѣ ужина она была задумчива. Когда рѣчь обращалась къ ней, она отвѣчала привѣтливо; но вскорѣ впадала въ разсѣянность. Одна изъ пріятельницъ, пораженная ея молчаливостью и уныніемъ, спросила ее: не больна ли она? Я не хорошо себя чувствовала въ послѣднее время, отвѣчала она, и теперь еще очень разстроена. Я домогался произвести въ умѣ Элеоноры впечатлѣніе пріятное; мнѣ хотѣлось показывать себя любезнымъ и остроумнымъ, расположить ее въ мою пользу и приготовить къ свиданію, которое она мнѣ обѣщала. Я такимъ образомъ испытываль тысячу средствъ привлечь вниманіе ея. Я наводилъ разговоръ на предметы для нея занимательные: сосѣды наши вмѣшались въ рѣчь; я былъ вдохновенъ ея присутствіемъ: я добился до вниманія ея, увидѣль ея улыбку. Я такъ этому обрадовался; взгляды мои выразили такую признательность, что она была ими тронута. Грусть ея и задумчивость разсѣялись: она уже не противилась тайной прелести, разливаемой по душѣ ея свидѣтельствомъ блаженства, которымъ я былъ ей обязанъ; и когда мы вышли изъ-за стола, сердца наши были въ сочувствіи, какъ будто никогда мы не были розны другъ съ другомъ. Вы видите, сказалъ я ей, подавъ руку вести обратно въ гостиную, какъ легко располагаете вы всѣмъ моимъ бытіемъ: за какую же вину вы съ такимъ удовольствіемъ его терзаете?

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

Я провелъ ночь въ бессонницѣ. Уже въ душѣ моей не было мѣста ни разсчетамъ, ни соображеніямъ; я признавалъ себя влюбленнымъ добросовѣстно, истинно. Я побуждаемъ былъ уже не желаніемъ успѣха; потребность видѣть ту, которую любилъ, наслаждаться присутствіемъ ея, владѣла мною исключительно. Пробыло одиннадцать часовъ. Я поспѣшилъ къ Элеонорѣ; она меня ожидала. Она хотѣла говорить: я просилъ ее меня выслушать; я сѣлъ возлѣ нея, ибо съ трудомъ могъ стоять на ногахъ; я продолжалъ слѣдующимъ образомъ, хотя впрочемъ и бывалъ вынуждаемъ прерывать свои рѣчи.

Не прихожу превословить приговору, вами произнесенному; не прихожу отречься отъ признанія, которое могло васъ обидѣть: напрасно хотѣлъ бы я того. Любовь, вами отвергаемая, несокрушима. Самое напряженіе, которымъ одолеваяю себя, чтобы говорить съ вами нѣсколько спокойно, есть свидѣтельство силы чувства, для васъ оскорбительнаго. Но я не съ тѣмъ просилъ васъ меня выслушать, чтобы подтвердить вамъ выраженіе нѣжности моей; напротивъ прошу васъ забыть о ней, принимать меня по-прежнему, удалить воспоминаніе о минутѣ изступленія, не наказывать меня за то, что вы знаете тайну, которую долженъ былъ заключить я во глубинѣ души моей. Вамъ извѣстно мое положеніе, сей характеръ, который почитаютъ страннымъ и дивнымъ, сіе сердце, чуждое всѣхъ побужденій свѣта, одинокое посреди людей и однако же страдающее отъ одиночества, на которое оно осуждено. Ваша дружба меня под-

держивала. Безъ этой дружбы я жить не могу. Я привыкъ васъ видѣть, вы дали возникнуть и созрѣть сей сладостной привычкѣ. Чѣмъ заслужилъ я лишеніе сей единственной отрады бытія, столь горестнаго и столь мрачнаго? Я ужасно несчастливъ: я уже не имѣю достаточной бодрости для перенесенія столь продолжительнаго несчастія; я ничего не надѣюсь, ничего не прошу, хочу только васъ видѣть; но мнѣ необходимо васъ видѣть, если я долженъ жить.

Элеонора хранила молчаніе. Чего страшитесь? продолжалъ я. Чего требую? Того, въ чемъ вы не отказываете всѣмъ равнодушнымъ и постороннимъ. Свѣтъ ли устрашаетъ васъ? Свѣтъ, погруженный въ свои торжественныя ребячества, не будетъ читать въ сердцѣ, подобномъ моему. Какъ не быть мнѣ осторожнымъ? Не о жизни ли моей идетъ дѣло? Элеонора, склонитесь на мое моленіе, и для васъ оно будетъ не безъ сладости. Вы найдете нѣкоторую прелесть быть любимою такимъ образомъ, видѣть меня при себѣ занятымъ одною вами, живущимъ для васъ одной, вамъ обязаннымъ за всѣ ощущенія блаженства, на которыя я еще способенъ, отторгнутымъ присутствіемъ вашимъ отъ страданія и отчаянія.

Я долго продолжалъ такимъ образомъ, опровергая всѣ возраженія, пересчитывая тысячу средствъ всѣ сужденія, ходатайствующія въ мою пользу. Я былъ такъ поворенъ, такъ безропотно преданъ, я такъ малаго требовалъ, я былъ бы такъ несчастливъ отказомъ!

Элеонора была растрогана. Она предписала мнѣ нѣсколько условій. Согласилась видѣть меня, только рѣдко, среди многочисленнаго общества и подъ обязательствомъ никогда не говорить ей о любви. Я обѣщаль все, чего она хотѣла. Мы оба были довольны: я тѣмъ, что вновь пріобрѣлъ благо, почти утраченное; она тѣмъ, что видѣла себя равно великодушною, нѣжною и осторожною.

Съ другаго же дня воспользовался я полученнымъ позволеніемъ. Всѣ слѣдующіе дни дѣлалъ тоже. Элеонора уже не помышляла о необходимости, чтобъ не часто повторялись посѣщенія мои: вскорѣ ей казалось совершенно естественнымъ ви-

дѣть меня ежедневно. Десять лѣтъ вѣрности внушили Графу П... довѣренность неограниченную. Онъ давалъ Элеонорѣ полную свободу. Боровшись съ мнѣніемъ, хотѣвшимъ исключить любовницу его изъ общества, къ которому самъ былъ призванъ, онъ радовался, видя, что кругъ знакомства Элеоноры размножается: домъ его, наполненный гостями, свидѣтельствовалъ ему о побѣдѣ надъ мнѣніемъ.

При входѣ моемъ я замѣчалъ во взорахъ Элеоноры выраженіе удовольствія. Когда разговоръ былъ по ней, глаза ея невольно обращались на меня. При разсказѣ занимательномъ, она призывала меня слушать; но она никогда не бывала одна. Цѣлые вечера проходили такъ, что мнѣ едва удавалось сказать ей съ глазу на глазъ нѣсколько словъ незначительныхъ или прерываемыхъ. Вскорѣ такое принужденіе начало меня раздражать. Я сталъ мраченъ, молчаливъ, неровенъ въ обхожденіи, язвительенъ въ моихъ рѣчахъ. Едва могъ я воздерживать себя, когда видѣлъ, что другіе говорятъ наединѣ съ Элеонорой. Я круто прерывалъ сіи разговоры. Мнѣ дѣла не было, оскорбятся ли тѣмъ или нѣтъ, и я не всегда былъ удерживаемъ опасеніемъ повредить Элеонорѣ. Она жаловалась мнѣ на эту перемену. Чтожъ дѣлать? отвѣчалъ я ей съ нетерпѣніемъ. Вы безъ сомнѣнія думаете, что многое для меня сдѣлали: я вынужденъ сказать вамъ, что вы ошибаетесь. Я вовсе не постигаю новаго образа жизни вашей. Прежде вы жили уединенно; вы убѣгали общества утомительнаго; вы устранялись отъ этихъ вѣчныхъ разговоровъ, продолжающихся именно потому, что ихъ никогда начинать бы не надлежало. Нынѣ ваши двери настежь для всего міра. Подумаешь, что, умоляя васъ принимать меня, я не одному себѣ, но и цѣлой вселенной выпросилъ ту же милость. Признаюсь, видя васъ нѣкогда столь осторожною, не думалъ я увидѣть васъ столь вѣтренною.

Я разсмотрѣлъ въ чертахъ Элеоноры впечатлѣніе гнѣва и грусти. Милая Элеонора, сказалъ ей тотчасъ, умѣряя себя, развѣ я не заслуживаю быть отличенъ отъ тысячи добучниковъ, васъ обступающихъ? Дружба не имѣетъ ли своихъ тайнъ? Не подозрительна ли и не робка ли она посреди шума и толпы?

Элеонора, оставаясь непреклонною, боялась повторенія неосторожностей, которыя пугали ее за себя и за меня. Мысль о разрывѣ уже не имѣла доступа къ ея сердцу: она согласилась видѣть иногда меня наединѣ.

Тогда поспѣшно измѣнились строгія правила, мнѣ предписанныя. Она мнѣ позволила живописать ей любовь мою; она постепенно свыклась съ этимъ языкомъ: скоро призналась, что она меня любитъ.

Нѣсколько часовъ лежалъ я у ногъ ея, называя себя благополучнѣйшимъ изъ смертныхъ, расточая ей тысячу увѣреній въ нѣжности, въ преданности и въ уваженіи вѣчномъ. Она рассказала мнѣ, что выстрадала, испытывая удалиться отъ меня; сколько разъ надѣялась, что угадаю ея убѣжище вопреки ея стараніямъ; какъ малѣйшій шумъ, поражавшій слухъ ея, казался ей вѣстью моего пріѣзда; какое смятеніе, какую радость, какую робость ощутила она, увидѣвъ меня снова; съ какою недоувѣрчивостью къ себѣ, чтобы склонность сердца своего примирить съ осторожностью, предалась она разсѣянности свѣта и стала исвать толпы, которой прежде избѣгала. Я заставлялъ ее повторять малѣйшія подробности, и сія повѣсть нѣсколькихъ недѣль казалась намъ повѣстью цѣлой жизни. Любовь какимъ-то волшебствомъ добавляетъ недостатковъ продолжительныхъ воспоминаній. Всѣмъ другимъ привязанностямъ нужно минувшее. Любовь, по мгновенному очарованію, создаетъ минувшее, коимъ насъ окружаетъ. Она даетъ намъ, такъ сказать, тайное сознаніе, что мы многіе годы прожили съ существомъ еще недавно намъ чуждымъ. Любовь—одна точка свѣтозарная, но, кажется, поглощаетъ все время. За нѣсколько дней не было ея, скоро ея не будетъ; но пока есть она, разливаетъ свое сіаніе на эпоху прежде-бывшую и на слѣдующую за нею.

Сіе спокойствіе не было продолжительно. Элеонора тѣмъ болѣе остерегалась своего чувства, что она была преслѣдуема воспоминаніемъ о своихъ поступкахъ. А мое воображеніе, мои желанія, какая-то наука свѣтскаго самохвальства, котораго я самъ не замѣчалъ, возставали во мнѣ противъ подобной любви. Всегда робкій, часто раздраженный, я жаловался, выходилъ изъ

себя, обременялъ Элеонору укоризнами. Не одинъ разъ замышляла она разорвать союзъ, проливающій на жизнь ея одно безпокойствіе и смущеніе; не одинъ разъ смягчалъ я ее моими моленіями, отрицаніями, слезами.

Элеонора, писалъ я ей однажды, вы не вѣдаете всѣхъ страданій моихъ. При васъ, безъ васъ, я равно несчастливъ. Въ часы, насъ разлучающіе, скитаюсь безъ цѣли, согбенный подъ бременемъ существованія, котораго я нести не въ силахъ. Общество мнѣ доучаетъ; уединеніе меня томитъ. Равнодушные, наблюдающіе за мною, не знаютъ ничего о томъ, что меня занимаетъ, глядятъ на меня съ любопытствомъ безъ сочувствія, съ удивленіемъ безъ состраданія; сіи люди, которые осмѣливаются говорить мнѣ не объ васъ, наносятъ на душу мою скорбь смертельную. Я убѣгаю отъ нихъ; но одинокій ищущу бесполезно воздуха, который проникнулъ бы въ мою стѣсненную грудь. Кидаюсь на землю; желаю, тобы она разступилась и поглотила меня навсегда; опираюсь головою на холодный камень, чтобы утѣлилъ онъ знойный недугъ, меня пожирающій; взбираюсь на возвышеніе, съ коего видѣнъ вашъ домъ; пребываю неподвиженъ, уставя глаза мои на эту обитель, въ которой никогда не буду жить съ вами. А если бы я встрѣтилъ васъ ранѣе, вы могли быть моею! Я прижалъ бы въ свои объятія твореніе, которое одно образовано природою для моего сердца, для сердца столько страдавшаго, потому что оно васъ искало и встрѣтило слишкомъ поздно. Наконецъ, когда минуть сіи часы изступленія, когда настанетъ время, въ которое могу васъ видѣть, обращаюсь съ трепетомъ на дорогу, ведущую къ вашему дому. Боюсь, чтобы всѣ встрѣчающіе меня, не угадали чувствъ, которыя ношу въ себѣ; останавливаюсь, иду медленными шагами; отсрочиваю мгновеніе счастья всегда и всѣмъ угрожаемаго, которое страшусь утратить, счастья, несовершеннаго и неяснаго, противъ котораго, можетъ быть, ежеминутно злоумышляютъ и бѣдственныя обстоятельства, и ревнивые взгляды, и тиранническія прихоти, и ваша собственная воля. Когда ступлю на порогъ вашихъ дверей, когда растворяю ихъ, я объятъ новымъ ужасомъ: подвигаюсь, какъ преступникъ, умоляющій помилова-

нія у всѣхъ предметовъ, попадающихся мнѣ въ глаза — какъ будто всѣ они ко мнѣ непріязненны, какъ будто всѣ они завистливы за часъ блаженства, которой я еще готовлюсь вкусить. Вдрагиваю отъ малѣйшаго звука, пугаюсь малѣйшаго движенія около себя; шумъ собственныхъ шаговъ моихъ заставляетъ меня отходить обратно. Уже близъ васъ, я боюсь еще, чтобы какая нибудь преграда внезапно не возстала между вами и мною. Наконецъ я васъ вижу, вижу васъ и дышу свободно, созерцаю васъ и останавливаюсь, какъ бѣглець, который коснулся до благодѣтельной почвы, спасающей его отъ смерти. Но и тогда, когда все существо мое рвется къ вамъ, когда мнѣ было бы такъ нужно отдохнуть отъ столькихъ сотрясеній, приложить голову мою къ вашимъ колѣнамъ, дать вольное теченіе слезамъ моимъ, должно мнѣ еще превозмогать себя насильственно, должно мнѣ и возлѣ васъ жить еще жизнью вынужденною. Ни минуты откровенности! ни минуты свободы! Ваши взгляды стерегутъ меня; вы смущаетесь, почти оскорбляетесь моимъ смятеніемъ. Не знаю, что за неволя послѣдовала за часами восхитительными, въ которые вы мнѣ, по крайней мѣрѣ, признавались въ любви вашей! Время улетаетъ; новыя заботы васъ призываютъ: вы ихъ не забываете никогда; вы никогда не отсрочиваете мгновенья, въ которое мнѣ должно васъ оставить. Наѣзжаютъ чужіе; мнѣ уже не позволено смотрѣть на васъ: чувствую, что мнѣ должно удалиться для избѣжанія подозрѣній, меня окружающихъ. Я васъ повидаю болѣе волнуемый, болѣе терзаемый, безумнѣе прежняго; я васъ повидаю, и впадаю снова въ ужасное одиночество; изнемогаю въ немъ, не видя передъ собою ни одного существа, на которое могъ бы опереться и отдохнуть на минуту.

Элеонора не была никогда любима такимъ образомъ. Графъ П... питалъ въ ней истинную привязанность, большую признательность за ея преданность, большое почтеніе за ея характеръ; но въ обхожденіи его съ нею была всегда отѣнька превосходства надъ женщиною, которая гласно отдалась ему безъ брака. Онъ могъ заключить союзъ болѣе почетный, по общему мнѣнію; онъ ей не говорилъ этого; можетъ быть, и самъ себѣ въ томъ не признавался: но то, о чемъ мы умалчиваемъ, не менѣе того

есть; а все, что есть, угадывается. Элеонора не имѣла никакого понятія о семъ чувствѣ страстномъ, о семъ бытіи, въ ея бытіи теряющемся, о чувствѣ, въ которомъ были безпрекословными свидѣтельствами самыя мои изступленія, моя несправедливость и мои упреки. Упорство ея воспалило всѣ мои чувствованія, всѣ мои мысли. Отъ бѣшенства, которое пугало ее, я обращался въ покорности, въ нѣжности, въ благоговѣнію идолопоклонническому. Я видѣлъ въ ней созданіе небесное: любовь моя походила на поклоненіе, и оно тѣмъ болѣе въ глазахъ ея имѣло прелести, что она всегда боялась оскорбленія въ противномъ смыслѣ. Наконецъ она предалась мнѣ совершенно.

Горе тому, кто, въ первыя минуты любовной связи, не вѣрить, что эта связь должна быть безконечною. Горе тому, кто въ объятіяхъ любовницы, которую онъ только что покорилъ, хранитъ роковое предвѣдѣніе, и предвидитъ, что ему нѣкогда можно будетъ оставить ее. Женщина, увлеченная сердцемъ своимъ, имѣетъ въ эту минуту что-то трогательное и священное. Не наслажденія, не природа, не чувства развратители наши, нѣтъ, а расчеты, въ которыхъ мы привыкаемъ въ обществѣ, и размышленія, рождающіяся отъ опытности. Я любилъ, уважалъ Элеонору въ тысячу разъ болѣе прежняго, въ то время, когда она отдалась мнѣ. Я гордо представлялъ людямъ и обращалъ на нихъ владычественные взоры. Воздухъ, которымъ я дышалъ, былъ уже наслажденіемъ; я стремился къ природѣ, чтобы благодарить ее за благодѣяніе нечаянное, за благодѣяніе безмѣрное, которымъ она меня наградила.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Прелесть любви, кто могъ бы тебя описать! Увѣреніе, что мы встрѣтили существо, predetermined намъ природою; сіяніе внезапное, разлитое на жизнь и какъ будто изъясняющее намъ загадку ея; цѣна неизвѣстная, придаваемая маловажнѣйшимъ обстоятельствамъ; быстрые часы, конхъ всѣ подробности самую сладостью своею теряются для воспоминанія и оставляютъ въ душѣ нашей одинъ продолжительный слѣдъ блаженства; веселость ребяческая, сливающаяся иногда безъ причины съ обычнымъ умиленіемъ; столько радости въ присутствіи и столько надежды въ разлукѣ; отчужденіе отъ всѣхъ заботъ обыкновенныхъ; превосходство надъ всѣмъ, что насъ окружаетъ, убѣжденіе, что отнынѣ свѣтъ не можетъ достигнуть насъ тамъ, гдѣ мы живемъ; взаимное сочувствіе, угадывающее каждую мысль и отвѣчающее каждому сотрясенію; прелесть любви—кто испыталъ тебя, тотъ не будетъ умѣть тебя описывать!

По необходимымъ дѣламъ графъ П. принужденъ былъ отлучиться на шесть недѣль. Я почти все это время провелъ у Элеоноры непрерывно. Отъ принесенной мнѣ жертвы привязанность ея, казалось, возросла. Она никогда не отпускала меня, не старавшись удержать. Когда я уходилъ, она спрашивала у меня, скоро ли возвращусь. Два часа разлуки были ей несносны. Она съ точностью боязливо опредѣляла срокъ моего возвращенія. Я всегда соглашался радостно. Я былъ благодаренъ за чувство, былъ счастливъ чувствомъ, которое она мнѣ оказывала. Однако же обязательства жизни ежедневной не поддаются произвольно

всѣмъ желаніямъ нашимъ. Мнѣ было иногда тяжело видѣть всѣ шаги мои, означенные заранѣе, и всѣ минуты такимъ образомъ исчисланныя. Я былъ принужденъ торопить всѣ мои поступки и разорвать почти всѣ мои свѣтскія сношенія. Я не зналъ, что сказать знакомымъ, когда мнѣ предлагали поѣздку, отъ которой въ обыкновенномъ положеніи я отказаться не имѣлъ бы причины. При Элеонорѣ я не жалѣлъ о сихъ удовольствіяхъ свѣтской жизни, которыми я никогда не дорожилъ; но я желалъ, чтобы она позволила мнѣ отказываться отъ нихъ свободнѣе. Мнѣ было бы сладостнѣе возвращаться къ ней по собственной волѣ, не сказывая себѣ, что часъ приспѣлъ, что она ждетъ меня съ безпокойствомъ, и не имѣя въ виду мысли о ея страданіи, сливающейся съ мыслью о блаженствѣ, меня ожидающемъ при ней. Элеонора была, безъ сомнѣнія, живое удовольствіе въ существованіи моемъ; но она не была уже цѣлью: она сдѣлалась связью! Сверхъ того я боялся обличить ее. Мое непрерывное присутствіе должно было удивлять домашнихъ, дѣтей, которые могли подстергать меня. Я трепеталъ отъ мысли разстроить ея существованіе. Я чувствовалъ, что мы не могли быть всегда соединены, и что священный долгъ велитъ мнѣ уважать ея спокойствіе. Я совѣтовалъ ей быть осторожною, все увѣряя ее въ любви моей. Но чѣмъ болѣе давалъ я ей совѣтовъ такого рода, тѣмъ менѣе была она склонна меня слушать. Между тѣмъ я ужасно боялся ее огорчить. Едва показывалось на лицѣ ея выраженіе скорби, и воля ея дѣлалась моею волею. Мнѣ было хорошо только тогда, когда она была мною довольна. Когда настаивая въ необходимости удалиться отъ нея на нѣкоторое время, мнѣ удавалось ее оставить, то мысль о печали, мною ей нанесенной, слѣдовала за мною всюду. Меня схватывали судороги угрызений, которыя усиливались ежеминутно и наконецъ становились неодолимыми; я летѣлъ въ ней, радовался тѣмъ, что утѣшу, что успокою ее. Но, по мѣрѣ приближенія къ ея дому, чувство досады на это своевольное владычество мѣшалось съ другими чувствами. Элеонора сама была пылка. Въ ея прежнихъ сношеніяхъ, сердце ея было утѣснено тягостною зависимостью. Со мною была она въ совершенной свободѣ; потому

что мы были въ совершенномъ равенствѣ. Она возвысилась въ собственныхъ глазахъ любовью чистою отъ всякаго расчета, всякой выгоды; она знала, что я былъ увѣренъ въ любви ея ко мнѣ собственно для меня. Но отъ совершенной непринужденности со мною она не утаивала отъ меня ни одного движенія; и когда я возвращался къ ней въ комнату, досадуя, что возвращаюсь скорѣе, нежели хотѣлъ, я находилъ ее грустною или раздраженною. Два часа заочно отъ нея мучился я мыслию, что она мучится безъ меня: при ней мучился я два часа пока не успѣвалъ ее успокоить.

Между тѣмъ я не былъ несчастливъ: я утѣшался, какъ сладостно быть любимымъ, даже и съ этою выскательностью. Я чувствовалъ, что дѣлаю ей добро: счастье ея было для меня необходимо, и я зналъ, что я необходимъ для ея счастья.

Къ тому же, неясная мысль, что по самымъ обстоятельствамъ связь сія не могла продлиться, мысль печальная по многимъ отношеніямъ, содѣйствовала отчасти къ успокоенію моему въ припадкахъ усталости или нетерпѣнія. Обязательство Элеоноры съ графомъ П..., неровность лѣтъ нашихъ, разность нашихъ положеній, отъѣздъ мой, и то уже по различнымъ случаямъ отлагаемый, однако же неминуемый и въ скоромъ времени, всѣ сіи соображенія побуждали меня еще расточать и забирать какъ можно болѣе счастья: увѣренный въ годахъ, я за дни не спорилъ.

Графъ П... возвратился. Онъ скоро началъ подозрѣвать сношенія мои съ Элеонорою. Съ каждымъ днемъ пріемъ его былъ со мною холоднѣе и мрачнѣе. Я съ участіемъ говорилъ Элеонорѣ объ опасностяхъ, ей предстоящихъ; умолялъ ее позволить мнѣ прервать на нѣсколько дней мои посѣщенія; представлялъ ей пользу ея добраго имени, благосостоянія, дѣтей. Долго слушала она меня въ молчаніи: она была блѣдна какъ смерть. Какъ бы то ни было, сказала она мнѣ наконецъ, вы скоро уѣдете; не станемъ упреждать эту минуту: обо мнѣ не заботьтесь. Выгадаемъ нѣсколько дней, выгадаемъ нѣсколько часовъ: дни, часы, вотъ все то, что мнѣ нужно. Не знаю, какое-то предчувствіе мнѣ говоритъ, Адольфъ, что я умру въ вашихъ объятіяхъ.

И такъ мы продолжали быть по-прежнему: я всегда безпокоенъ, Элеонора всегда печальна, Графъ П... угрюмъ и молчаливъ. Наконецъ, ожидаемое мною письмо пришло. Родитель мой приказывалъ мнѣ пріѣхать къ нему. Я понесъ это письмо къ Элеонорѣ. Уже! сказала она мнѣ, прочитавъ его; я не думала, что такъ скоро. Потомъ, обливаясь слезами, взяла она меня за руку и сказала: Адольфъ! вы видите, я не могу жить безъ васъ; не знаю, что со мной будетъ, но умоляю васъ, не сейчасъ уѣзжайте, останьтесь подъ какимъ-нибудь предлогомъ, попросите родителя вашего позволить вамъ пребыть здѣсь еще шесть мѣсяцевъ. Шесть мѣсяцевъ, долго ли это? Я хотѣлъ оспорить ея мнѣніе, но она такъ горько плакала, такъ дрожала, черты ея носила отпечатокъ скорби столь раздирающей, что я не могъ продолжать. Я кинулся въ ногамъ ея, сжалъ ее въ свои объятія, увѣрилъ въ любви и вышелъ писать отвѣтъ отцу моему. Я въ самомъ дѣлѣ писалъ съ движеніемъ, приданнымъ мнѣ горестью Элеоноры. Я представилъ тысячу причинъ въ отлагательству, выставилъ пользу продолжать въ Д. нѣсколько курсовъ, которые не успѣлъ выдержать въ Геттингенѣ и, отправляя письмо на почту, я горячо желалъ получить согласіе на мою просьбу.

Вечеромъ возвратился я къ Элеонорѣ. Она сидѣла на софѣ; графъ П... былъ у камина, довольно поодаль отъ нея; двое дѣтей сидѣли въ глубинѣ комнаты, не играя и выражая на лицахъ своихъ удивленіе дѣтства, которое замѣчаетъ разстройство, не постигая причины. Даннымъ знавомъ я увѣдомилъ Элеонору, что исполнилъ ея желаніе. Лучъ радости проблеснулъ въ ея глазахъ, но вскорѣ исчезнулъ. Мы не говорили ни слова; молчаніе становилось затруднительнымъ для всѣхъ троихъ. — Меня увѣряютъ, милостивый государь, сказалъ мнѣ наконецъ, графъ, что вы готовитесь ѣхать. Я отвѣчалъ, что еще не знаю того. — Мнѣ кажется, возразилъ онъ, что въ ваши лѣта не должно медлить вступить на какое-нибудь поприще: впрочемъ, продолжалъ онъ, взглядывая на Элеонору, можетъ быть, здѣсь не всѣ думаютъ одинаково со мною.

Я не долго ждалъ отцовскаго отвѣта. Распечатывая письмо, трепеталъ, вообразивъ, какую печаль нанесетъ Элеоноръ отказъ отца моего. Мнѣ казалось даже, что я раздѣлилъ бы сію грусть съ равною силою; но, прочитавъ изъявленіе его согласія, я скоростижно былъ объять мыслию о всѣхъ неудобствахъ дальнѣйшаго здѣсь пребыванія.—Еще шесть мѣсяцевъ принужденія и неволи, вскричалъ я, еще шесть мѣсяцевъ оскорблять мнѣ чело-вѣка, который принималъ меня съ дружбою, предавать опас-ности женщину, меня любящую, которой угрожаю утратою един-ственного положенія, обѣщающаго ей спокойствіе и уваженіе, еще обманывать отца моего; и для чего? чтобы на минуту не преодолѣть печали, рано или поздно неминуемой? Не испыты-ваемъ ли сей печали ежедневно по частямъ, по каплѣ за кап-лею? Я только гублю Элеонору. Мое чувство, каково оно есть, не можетъ ее удовлетворять. Я жертвую ей собою безплодно для счастья ея; я живу здѣсь безъ пользы, въ неволѣ, не имѣя ни минуты свободной, не видя возможности часъ одинъ поды-шать спокойно. Я вошелъ къ Элеонорѣ, еще весь озабоченный этими размышленіями и засталъ ее одну.—Остаюсь еще на шесть мѣсяцевъ, сказалъ я ей.—Вы увѣдомляете меня о томъ очень сухо.—Признаюсь, отъ того, что за васъ и за себя стра-шусь послѣдствій отсрочки.—Кажется, по-крайней мѣрѣ, для васъ не могутъ они быть слишкомъ неприятны.—Вы увѣрены, Элеонора, что я не о себѣ всегда болѣе забочусь.—Но не очень и о счастьи другихъ.—Разговоръ принялъ бурное направленіе. Элеонора оскорбилась моимъ сожалѣніемъ въ такомъ случаѣ, гдѣ, казалось ей, долженъ я былъ раздѣлить ея радость. Я оскорбленъ былъ торжествомъ, одержаннымъ ею надъ преж-нимъ моимъ рѣшеніемъ. Сшибка наша разгорѣлась. Мы вспых-нули взаимными упреками. Элеонора обвиняла меня въ томъ, что я обманулъ ее, имѣлъ къ ней одну минутную склонность, отвратилъ отъ нея привязанность графа и поставилъ ее въ глазахъ свѣта въ то сомнительное положеніе, изъ коего выдти старалась она во всю жизнь свою. Я досадовалъ, зачѣмъ она обращаетъ противъ меня все то, что я исполнилъ изъ одной покорности къ ней, изъ одного страха ее опечалить. Я жало-

вался на свое жестокое утѣсненіе, на бездѣйствіе, въ которомъ взнемогала моя молодость, на деспотизмъ ея, тяготѣющій на исѣхъ моихъ поступкахъ. Говоря такимъ образомъ, я увидѣлъ лицо ея, облитое слезами: я остановился; подаваясь обратно, отрицалъ, изъяснялъ. Мы поцѣловались: но первый ударъ былъ нанесенъ; первая преграда была переступлена. Мы оба выговорили слова неизгладимыя: мы могли умолкнуть, но не могли забыть сказаннаго. Долго не говоришь иного другъ другу; но что однажды высказано, то непрерывно повторяется.

Мы прожили такимъ образомъ четыре мѣсяца въ сношеніяхъ насильственныхъ, иногда сладостныхъ, но никогда совершенно свободныхъ. Мы находили въ нихъ еще удовольствіе; но уже не было прелести. Элеонора однакоже не чуждалась меня. Послѣ нашихъ самыхъ жаркихъ споровъ, она такъ же хотѣла нетерпѣливо меня видѣть, назначала часъ нашего свиданія съ такою же заботливостью, какъ будто связь наша была по-прежнему равно безмятежна и нѣжна. Я часто думалъ, что самое поведеніе мое содѣйствовало къ сохраненію Элеоноры въ такомъ расположеніи. Еслибы я любилъ ее такъ, какъ она меня любила, то она болѣе владѣла бы собою: она съ своей стороны размышляла бы объ опасностяхъ, которыми пренебрегала. Но всякая предосторожность была ей ненавистна; потому что предосторожность была моимъ попеченіемъ. Она не исчисляла своихъ пожертвованій, потому что была озабочена единымъ стараніемъ, чтобы я не отринулъ ихъ. Она не имѣла времени охладѣть ко мнѣ, потому что все время, всѣ ея усилія были устремлены къ тому, чтобы удержать меня. Эпоха, снова назначенная для моего отъѣзда, приближалась—и я ощущалъ, помышляя о томъ, смѣшеніе радости и горя, подобно тому, что ощущаетъ человѣкъ, который долженъ купить несомнительное исцѣленіе операціею мучительною.

Въ одно утро Элеонора написала мнѣ, чтобы я сейчасъ явился къ ней. Графъ, сказала она, запрещаетъ мнѣ васъ принимать: не хочу повиноваться сей тираннической волѣ. Я слѣдовала за этимъ человѣкомъ во всѣхъ его изгнаніяхъ; я спасла его благосостояніе; я служила ему во всѣхъ его предпріятіяхъ.

Онъ теперь можетъ обойтись безъ меня; я не могу обойтись безъ васъ. Легко угадать всѣ мои убѣжденія для отвращенія ея отъ намѣренія, котораго я не постигалъ. Говорилъ я ей о мнѣнїи общественномъ.—Сіе мнѣніе, отвѣчала она, никогда не было справедливо ко мнѣ. Я десять лѣтъ исполняла обязанности свои строже всякой женщины, и мнѣніе сіе тѣмъ не менѣе отчуждало меня отъ среды, которой я была достойна. Я напоминалъ о дѣтяхъ ея.—Дѣти мои—дѣти графа П... Онъ призналъ ихъ; онъ будетъ о нихъ заботиться: для нихъ будетъ благополучіемъ позабыть о матери, съ которою дѣлится имъ однимъ позоромъ. Я удвоивалъ мои моленія.—Послушайте, сказала она: если я разорву связь мою съ графомъ, откажетесь ли вы меня видѣть? Откажетесь ли? повторила она, схватывая меня за руку съ сильнымъ движеніемъ, отъ котораго я вздрогнулъ.—Нѣтъ, безъ сомнѣнїя, отвѣчалъ я, и чѣмъ вы будете несчастнѣе, тѣмъ я буду вамъ преданнѣе. Но разсмотрите...—Все разсмотрѣно, прервала она. Онъ скоро возвратится; удалитесь теперь; не приходите болѣе сюда.

Я провелъ остатокъ дня въ тоскѣ невыразимой. Прошло два дня; я ничего не слыхалъ объ Элеонорѣ. Я мучился невѣдѣніемъ объ ея участи; я мучился даже и тѣмъ, что не вижу ея, и дивился печали, наносимой мнѣ симъ лишеніемъ. Я желалъ однако же, чтобы она отказалась отъ намѣренія, котораго я такъ боялся за нее, и начиналъ ласкать себя благоприятнымъ предположеніемъ, какъ вдругъ женщина принесла мнѣ записку, въ которой Элеонора просила меня быть въ ней въ такой-то улицѣ, въ такомъ-то домѣ, въ третьемъ этажѣ. Я бросился туда, надѣясь еще, что за невозможностью принять меня въ жилищѣ графа П... она пожелала видѣться со мною въ другомъ мѣстѣ въ послѣдній разъ. Я засталъ ее за приготовленіями перемѣщеній: она подошла ко мнѣ съ видомъ довольнымъ и вмѣстѣ робкимъ, желая угадать изъ глазъ моихъ впечатлѣніе мое.—Все расторгнуто, сказала она мнѣ: я совершенно свободна. Собственнаго имѣнїя моего у меня семьдесятъ пять червонцевъ ежегоднаго дохода: ихъ станетъ мнѣ. Вы остаетесь еще шесть недѣль; когда уѣдете, мнѣ авось можно будетъ сблизиться съ вами: вы,

можетъ быть, возвратитесь ко мнѣ. И какъ будто, страшась отвѣта, она приступила ко множеству подробностей, относительныхъ до плановъ ея. Она тысячью средствъ старалась увѣрить меня, что будетъ счастлива, что ничѣмъ не пожертвовала, что рѣшеніе, избранное ею, по мысли ей и независимо отъ меня. Очевидно было, что она сильно превозмогала себя и не вѣрила половинѣ того, что говорила. Она оглушала себя своими словами, боясь услышать мои: она дѣятельно расплужала рѣчи свои, чтобы удалить минуту, въ которую возраженія мои повергнуть ее въ отчаяніе. Я не могъ отыскать въ сердцѣ своемъ силы ни на одно возраженіе. Я принялъ ея жертву, благодарилъ за нее, сказалъ, что я оною счастливъ; сказалъ ей еще болѣе: увѣрилъ, что я всегда желалъ приговора неизмѣнимаго, который наложилъ бы на меня обязанность никогда не покидать ее; приписывалъ свое недоумѣніе чувству совѣстливости, запрещающему мнѣ согласиться на то, что совершенно ниспровергаетъ ея состояніе. Въ эту минуту, однимъ словомъ, я полонъ былъ единою мыслию: отворотить отъ нея всякую печаль, всякое опасеніе, всякій страхъ, всякое сомнѣніе въ чувствѣ моемъ. Пока я говорилъ съ нею, я не взиралъ ни на что за сею цѣлью, и я былъ искрененъ въ моихъ обѣщаніяхъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Разрывъ Элеоноры съ графомъ П... произвелъ въ обществѣ дѣйствіе, которое легко было предвидѣть. Элеонора утратила въ одну минуту плодъ десятилѣтней преданности и постоянности: ее причисляли къ прочимъ женщинамъ разряда ея, которыя увлекаются безъ стыда тысячью поочередныхъ склонностей. Забвеніе дѣтей заставило почитать ее за безчувственную мать, и женщины имени безпорочнаго твердили съ удовольствіемъ, что небреженіе добродѣтели, нужнѣйшей для ихъ пола, должно вскорѣ распространиться и на всѣ прочія. Между тѣмъ жалѣли объ ней, чтобъ не упустить случая винить меня. Видѣли въ поведеніи моемъ поступокъ соблазнителя неблагодарнаго, который поругался гостепріимствомъ и пожертвовалъ, для удовлетворенія бѣглой прихоти, спокойствіемъ двухъ особъ, изъ коихъ одну долженъ былъ почитать, а другую пощадить. Нѣкоторые пріатели отца моего строго выговаривали мнѣ за мой поступокъ; другіе, менѣе свободные со мною, давали мнѣ чувствовать неодобреніе свое разными намеками. Молодежь напротивъ восхищалась искусствомъ, съ которымъ я вытѣснилъ графа; и тысячью шутовъ, которыя напрасно я хотѣлъ остановить; она поздравляла меня съ моею побѣдою и обѣщала подражать мнѣ. Не умѣю выразить, что я вытерпѣлъ отъ сихъ строгихъ осужденій и постыдныхъ похвалъ. Я увѣренъ, что если бы во мнѣ была любовь къ Элеонорѣ, я успѣлъ бы возстановить мнѣніе о ней и о себѣ. Такова сила чувства истиннаго: когда оно заговоритъ, лживые толки и поддѣльные условія умолкаютъ. Но я

былъ только человекъ слабый, признательный и порабощенный. Я не былъ поддерживаемъ никакимъ побужденіемъ, стремящимся изъ сердца. И потому я выражался съ замѣшательствомъ; старался прервать разговоръ; и если онъ продолжался, то я прекращалъ его жесткими словами, изъясляющими другимъ, что я готовъ былъ на ссору. Въ самомъ дѣлѣ, мнѣ пріятнѣе было бы драться съ ними, нежели имъ отвѣчать.

Элеонора скоро увидѣла, что общее мнѣніе возстало противъ нея. Двѣ родственницы графа П..., принужденныя его вліяніемъ сблизиться съ нею, придали большую огласку разрыву своему, радуясь, что подъ сѣнію строгихъ правилъ правственности могли предаться долго обузданному недоброжелательству. Мушны не переставали видѣть Элеонору; но въ обращеніи съ нею допускали какую-то вольность, показывающую, что она уже не была ни поддержана покровительствомъ сильнымъ, ни оправдана связью почти освященною. Иные говорили, будто ѣздятъ въ ней потому, что знали ее издавна, другіе потому, что она еще хороша, и что послѣдняя вѣтренность ея пробудила въ нихъ надежды, которыхъ они отъ нея уже не таили. Каждый объяснялъ свою связь съ нею: то — есть, каждый думалъ, что эта связь требуетъ извиненія. Такимъ образомъ несчастная Элеонора видѣла себя навсегда упавшею въ то положеніе, изъ котораго всю жизнь свою старалась выдти. Все содѣйствовало къ тому, чтобы стѣснять ея душу и оскорблять гордость ея. Она усматривала въ удаленіи однихъ доказательство презрѣнія, въ неотступности другихъ признакъ какой-нибудь надежды оскорбительной. Одиночество мучило ее, а общество приводило въ стыдъ. Ахъ! конечно мнѣ должно было ее утѣшить, прижать къ своему сердцу, сказать ей: будемъ жить другъ для друга, забудемъ людей, насъ не разумѣющихъ, будемъ счастливы однимъ собственнымъ уваженіемъ и одною собственною любовію: я то и дѣлалъ. Но можно ли принятымъ по обязанности рѣшеніемъ оживить чувство угасающее?

Мы притворствовали другъ передъ другомъ. Элеонора не смѣла повѣрить мнѣ печали, плода своей жертвы, которой, какъ ей извѣстно было, я не требовалъ. Я принялъ сию жертву: я не

смѣлъ жаловаться на несчастіе, которое я предвидѣлъ, но котораго не имѣлъ силы предупредить. Мы такимъ образомъ молчали о единой мысли, насъ безпрестанно занимающей. Мы расточали другъ другу ласки, говорили о любви, но говорили о любви изъ страха говорить о другомъ.

Когда уже есть тайна между двухъ сердець, любовью связанныхъ; когда одно изъ нихъ могло рѣшиться утаить отъ другаго единую мысль — прелесть исчезла, блаженство разрушено. Вспыльчивость, несправедливость, самое развлеченіе могутъ быть примиримы; но притворство выдаетъ въ любовь стихію чуждую, которая ее искажаетъ и опозориваетъ въ собственныхъ глазахъ.

По странной необдуманности, въ то самое время, когда я отклонялъ съ негодованіемъ малѣйшій намекъ, предосудительный Элеонорѣ, я самъ содѣйствовалъ къ тому, чтобы вредить ей въ общихъ разговорахъ. Я покорился ея волѣ, но возненавидѣлъ владычество женщинъ. Я безпрестанно возставалъ противъ ихъ слабостей, ихъ взыскательности и самовластія печали ихъ. Я выказывалъ правила самыя жесткія, и сей самый человѣкъ, который не могъ устоять противъ слезы, который уступалъ грусти безмолвной и бывалъ въ разлукѣ преслѣдуемъ образомъ скорби, имъ нанесенной — сей самый человѣкъ показывался во всѣхъ рѣчахъ своихъ пренебрегающимъ и безпощаднымъ. Всѣ мои похвалы непосредственныя въ пользу Элеоноры не уничтожали впечатлѣнія, произведеннаго подобными словами. Меня ненавидѣли, ей сострадали, но не уважали ея. Обвиняли ее въ томъ, что она не умѣла внушить любовнику своему болѣе почтенія къ ея полу и болѣе благоговѣнія къ связямъ сердечнымъ.

Одинъ изъ обыкновенныхъ посѣтителей Элеоноры, который, послѣ разрыва ея съ графомъ П..., изъявилъ ей живѣйшую страсть и вынудилъ ее искательствами нескромными отказать ему отъ дома, дозволилъ себѣ разсѣивать о ней насмѣшки оскорбительныя: я не могъ ихъ вынести. Мы дрались: я равилъ его опасно, и самъ былъ раненъ. Не могу выразить безпокойствія, ужаса, благодарности и любви, изобразившихся въ чертахъ Элеоноры, когда она меня увидѣла послѣ сего првключенія. Она перѣхала ко мнѣ, не смотря на мои просьбы; она не покидала

меня ни на минуту до моего выздоровленія. Днем она мнѣ читала, большую часть ночи сидѣла при мнѣ: наблюдала малѣйшія мои движенія, предупреждала каждое желаніе. Ея заботливое сердоболіе размножало ея услуги, удвоивало силы ея. Она безпрестанно твердила мнѣ, что не пережила бы меня. Я исполненъ былъ умиленія и растерзанъ угрызеніями. Я желалъ быть способнымъ вознаградить привязанность столь постоянную и столь нѣжную: призывалъ на помощь къ себѣ воспоминаніе, воображеніе, разсудокъ самый, чувство обязанности. Усилія тщетныя! затруднительность положенія, увѣренность въ будущемъ, которое должно разлучить насъ, можетъ быть, невѣдомое возмущеніе противъ узъ, которыхъ я расторгнуть не могъ, меня внутренно свѣдали. Я укорялъ себя въ неблагодарности, которую старался скрыть отъ нея. Мнѣ больно было, когда она повидимому сомнѣвалась въ любви столь ей необходимой: мнѣ не менѣе было больно, когда она ей вѣрила. Я чувствовалъ, что она меня превосходитъ; я презиралъ себя, видя, что я ея недостойнъ. Ужасное несчастіе не быть любимымъ, когда любишь; но еще ужаснѣе быть любимымъ страстно, когда уже любить перестанешь. Я пренебрегалъ жизнью своею для Элеоноры, но я тысячу разъ отдалъ бы эту самую жизнь, чтобы она была счастлива безъ меня.

Шесть мѣсяцевъ, отсроченные мнѣ родителемъ, миновались: должно было думать объ отъѣздѣ. Элеонора ему не противилась, даже и не пыталась удерживать меня; но требовала обѣщанія, что по исходѣ двухъ мѣсяцевъ я или возвращусь къ ней, или ей позволю съѣхаться со мною: я торжественно далъ ей въ томъ клятву. Какимъ обѣщаніемъ не обязался бы я въ минуту, когда видѣлъ, что она борется сама съ собою и одолеваетъ свою печаль? Она могла бы требовать отъ меня не покидать ея: я чувствовалъ въ глубинѣ души моей, что я не послушался бы слезъ ея. Я благодаренъ былъ, что она не прибѣгаетъ къ своей власти. Мнѣ казалось, что за это я ее болѣе полюбилъ. Впрочемъ я и самъ не безъ живѣйшаго сожалѣнія разставался съ существомъ, которое столь исключительно было мнѣ предано. Есть въ связяхъ продолжительныхъ что-то столь глубокое! Онѣ

безъ вѣдома нашего обращаются въ столь неотъемлемую часть нашего бытія! Издали съ спокойствіемъ мы замышляемъ рѣшительное намѣреніе разорвать ихъ; намъ сдается, что мы ожидаемъ нетерпѣливо эпохи, для сего назначенной: но когда сей часъ настаетъ, онъ поражаетъ насъ ужасомъ; и таково своеправіе нашего немощнаго сердца, что мы съ ужаснымъ терзаніемъ повидаемъ тѣхъ, при которыхъ пребывали безъ удовольствія.

Во время разлуки я писалъ исправно Элеонорѣ. Я раздѣленъ былъ между страхомъ огорчить ее моими письмами и желаніемъ живописать ей только то, что я чувствую. Я желалъ, чтобы она угадала меня, но угадала безъ горести. Я поздравлялъ себя, когда мнѣ удавалось словами: привязанность, дружба, преданность—замѣщать слово любовь; но вдругъ мнѣ представлялась бѣдная Элеонора, въ грусти и одиночествѣ, имѣющая отраду въ однихъ моихъ письмахъ: и въ концѣ двухъ страницъ холодныхъ, мѣрныхъ, я наскоро приписывалъ нѣсколько выраженій пламенныхъ, или нѣжныхъ, способныхъ обманывать ее снова. Такимъ образомъ, никогда не договаривая того, что могло бы ее удовольствовать, я проговаривался достаточно, чтобы оставлять ее въ заблужденіи. Страннаго рода лживость, которая и самымъ успѣхомъ своимъ обращалась противъ меня, дала мою тоску и была мнѣ нестерпима.

Я считалъ съ безпокойствіемъ дни, часы истекающіе. Желаніями моими я замедлялъ ходъ времени: я трепеталъ, видя приближеніе эпохи, назначенной для исполненія обѣщаній. Я не вымыслилъ никакого средства къ отъѣзду; не придумывалъ, какъ Элеонора могла бы поселиться въ одномъ городѣ со мною. Можетъ статься, ибо должно быть чистосердечнымъ, можетъ статься я и не желалъ того. Я сравнивалъ жизнь свою независимую и спокойную съ жизнью торопливости, тревогъ и страданій, на которую обрекала меня страсть ея. Мнѣ такъ было любо чувствовать себя свободнымъ, идти, придти, отлучиться, возвратиться, не озабочивая никого. Я въ равнодушій другихъ отдыхалъ, такъ сказать, отъ томительности любви ея.

Я не смѣлъ однакоже подать подозрѣнія Элеонорѣ, что

желалъ бы отказаться отъ нашихъ предположеній. Она поняла изъ моихъ писемъ, что мнѣ было бы трудно оставить родителя, и написала мнѣ, что вслѣдствіе того начинаетъ она готовиться къ отъѣзду. Я долго удерживался оспаривать ее; не отвѣчалъ ей ничего точнаго по сему предмету; говорилъ ей неопредѣлительно, что всегда буду радъ знать, потомъ прибавилъ, стараться о ея счастіи: жалкія двоясымыслія, рѣчи запутанныя! мнѣ больно было видѣть, что они такъ темны, и я трепеталъ пояснить ихъ. Наконецъ рѣшился я говорить съ нею откровенно: сказалъ себѣ, что я въ тому обязанъ. Я возставилъ мою совѣсть противъ моей слабости; я подвѣривалъ себя мыслью о ея спокойствіи въ виду образа печали ея. Скорыми шагами ходилъ я по комнатамъ моей; я твердилъ себѣ изустно то, что намѣревался ей писать. Но едва вывелъ я нѣсколько строкъ—и мое расположеніе измѣнилось: я разсматривалъ слова свои, уже не по смыслу, въ нихъ содержащемуся, но по дѣйствию, которое они произведутъ неминуемо. Сверхестественная сила правила, какъ вопреки мнѣ самому, рукою моею поработанною, и я довольствовался тѣмъ, что совѣтовалъ ей отсрочку на нѣсколько мѣсяцевъ. Я не сказалъ того, что думалъ. Письмо мое не носило никакихъ признаковъ чистосердечія. Доводы, представляемые мною, были слабы, потому что они были не истинные.

Отвѣтъ Элеоноры былъ гнѣвенъ; она полна была негодованіемъ отъ желанія моего несвидѣться съ нею. Чего она отъ меня требовала? жить при мнѣ безъизвѣстною. Чего могъ я страшиться отъ присутствія ея въ убѣжищѣ сокровенномъ, посреди большого города, гдѣ никто ее не зналъ? Она всѣмъ мнѣ пожертвовала: фортуною, дѣтьми, доброю славою, она не просила другого возмездія за приношеніе свое, кромѣ позволенія ждаты меня смиренной рабынею, проводить со мною нѣсколько минутъ въ сутки, наслаждаться мгновеніями, которыя могу ей удѣлать. Она безропотно согласилась на двумѣсячное отсутствіе, не потому, что это отсутствіе казалось ей необходимымъ, но потому, что я того желалъ; и когда она, тяжело досчитывая день за днемъ, достигла до срока, мною самимъ назначеннаго, я предлагаю ей начать снова сію продолжительную казнь. Она

могла ошибиться, могла предать жизнь свою человѣку жестокому и безчувственному; я властенъ былъ располагать своими поступками, но не властенъ былъ заставить ее страдать, брошенную тѣмъ, для котораго она все принесла на жертву.

Элеонора скоро послѣдовала за письмомъ своимъ. Она увѣдомила меня о своемъ пріѣздѣ. Я пошелъ къ ней съ твердымъ намѣреніемъ показать ей большую радость: мнѣ нетерпѣлось успокоить сердце ея и доставить ей, по крайней мѣрѣ мгновенно, нѣсколько счастья и отдыха. Но она была уязвлена, оглядывала меня съ недовѣрчивостью; она вскорѣ разсмотрѣла мои усилія; она раздражила гордость мою своими укоризнами; она оскорбила мой характеръ. Она мнѣ представила меня столь ничтожнымъ въ моей слабости, что возмутила меня противъ себя еще болѣе, нежели противъ самого меня. Безумное изступленіе овладѣло нами. Пощада была отвергнута; вѣжливость забыта. Можно было подумать, что мы другъ на друга были устремлены фуріями. Мы взаимно примѣняли къ себѣ все, что неукротимѣйшая вражда объ насъ разгласила: и сіи два существа несчастныя, которыя одни на землѣ были нечужды другъ другу, одни могли отдавать себѣ справедливость, понимать, утѣшать другъ друга, казались двумя врагами непримиримыми, алчущими взаимной гибели.

Мы разстались послѣ трехчасовой бури: и въ первый разъ въ жизни разстались мы безъ объясненія, безъ примиренія. Едва оставилъ я Элеонору, и глубокая горестъ заступила гнѣвъ во мнѣ. Я былъ въ какомъ-то безпамятствѣ, какъ оглушенъ тѣмъ, что было. Я повторялъ себѣ рѣчи свои съ удивленіемъ: я не постигалъ поступка своего; искалъ въ себѣ самомъ, что могло повлечь меня въ такое заблужденіе.

Уже было поздно: я не смѣлъ возвратиться къ Элеонорѣ. Далъ себѣ слово увидѣть ее рано на другой день, и пошелъ домой къ отцу. У него было много гостей; мнѣ легко было въ собраніи многолюдномъ держаться въ сторонѣ и скрывать смятеніе. Когда мы остались одни, онъ связалъ мнѣ: меня увѣряютъ, что прежняя любовница графа П... въ здѣшнемъ городѣ. Я всегда предоставлялъ тебѣ большую свободу и не хотѣлъ

знать ничего о связяхъ твоихъ: но тебѣ неприлично въ твои лѣта имѣть гласно признанную любовницу. Сказываю напередъ, что я принялъ мѣры для удаленія ея отсюда. При сихъ словахъ онъ ушелъ. Я послѣдовалъ за нимъ; знакомъ велѣлъ онъ мнѣ удалиться. Богъ свидѣтель, сказалъ я ему, что она здѣсь не по моему приглашенію; Богъ свидѣтель, что, лишь бы она была счастлива, я согласился бы за эту цѣну никогда болѣе не видать ее. Но будьте осторожны въ томъ, что предпринимаете: думая меня разлучить съ нею, вы можете легко привязать къ ней навсегда.

Я тотчасъ позвалъ къ себѣ слугу, вѣдѣвшаго со мною въ моихъ путешествіяхъ и знавшаго связь мою съ Элеонорою. Я поручилъ ему развѣдать въ тотъ же часъ, если можно, какіе были мѣры, о которыхъ говорилъ мнѣ отецъ. Онъ возвратился послѣ двухъ часовъ. Секретарь отцовскій ввѣрилъ ему за тайну, что Элеонора должна была на другой день получить приказаніе выѣхать. Элеонора изгнанная! воскликнулъ я, изгнанная съ позоромъ! она, пріѣхавшая сюда единственно для меня! она, которой растерзалъ я сердце, которой слезы видѣлъ я безъ жалости! Гдѣ же превлонила бы она голову, несчастная, скитающаяся, и одна въ свѣтѣ, котораго уваженія я же лишилъ ее! Кому повѣдала бы она свою скорбь! Я скоро рѣшился. Я подкупилъ челоуѣва, который ходилъ за мною: расточалъ предъ нимъ золото и обѣщанія. Я заказалъ почтовую коляску къ шести часамъ утра, замышлялъ тысячу предположеній для моего вѣчнаго соединенія съ Элеонорой; я любилъ ее болѣе, нежели когда нибудь. Все мое сердце снова обратилось къ ней; я съ гордостью представлялъ себя покровителемъ ея; я алкалъ прижать ее въ мои объятія; любовь во всемъ могуществѣ своемъ возвратилась въ мою душу. Я ощущалъ въ головѣ, въ сердцѣ, въ чувствахъ лихорадку, которая обуревала мое существованіе. Если бы въ эту минуту Элеонора рѣшилась на разрывъ со мною, я умеръ бы у ногъ ея, умоляя остаться при мнѣ.

Разсвѣтало; я побѣжалъ къ Элеонорѣ. Она еще не вставала, за тѣмъ, что всю ночь провела въ слезахъ; были еще глаза ея заплаканы и волосы въ безпорядкѣ. Она увидѣла меня съ

удивленіемъ. Вставай, сказалъ я ей, поѣдемъ. Она хотѣла отвѣчать. Поѣдемъ, повторилъ я: имѣешь ли на землѣ иного покровителя, иного друга, кромѣ меня. Объятія мои не одно ли твое прибѣжище? Она упорствовала. У меня причины важныя, прибавилъ я, причины мнѣ личныя. Ради Бога слѣдуй за мною; я увлекъ ее насильно. Дорогою осыпалъ я ее ласками, прижималъ ее къ сердцу, на всѣ вопросы ея отвѣчалъ одними поцѣлуями. Наконецъ сказалъ я ей, что, замѣтивъ въ отцѣ моемъ желаніе разлучить насъ, я почувствовалъ, что не могу быть счастливъ безъ нея, что хочу посвятить ей всю мою жизнь и соединиться съ нею всѣми возможными узами. Благодарность ея была сначала безмѣрна; но вскорѣ разсмотрѣла она противорѣчія въ рассказѣ моемъ. Силою убѣдительности вырвала она изъ меня истину; радость ея исчезла, лицо покрылось мрачнымъ облакомъ. — Адольфъ, сказала она мнѣ, вы сами себя обманываете — вы великодушны, вы мнѣ жертвуете собою потому, что меня преслѣдуютъ; вы думаете, что въ васъ дѣйствуетъ любовь: въ васъ дѣйствуетъ одна жалость. Зачѣмъ она произнесла сіи бѣдственные слова? Зачѣмъ повѣдала мнѣ тайну, которой никогда бы я знать не хотѣлъ? Я старался успокоить ее; быть можетъ, и успѣлъ; но истина проникла мою душу: движеніе было остановлено; я былъ твердъ въ моей жертвѣ; но я не былъ отъ того счастливѣе, и уже во мнѣ была мысль, которую я снова принужденъ былъ таить.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Доѣхавъ до границы, я написалъ къ отцу. Письмо мое было почтительно, но въ немъ отзывалась горечь. Я досадовалъ на него, что онъ скрѣпилъ мои узы, думая разорвать ихъ. Я объявлялъ ему, что не покину Элеоворы, пока не будетъ она прилично устроена и будетъ нуждаться въ моей помощи. Я умолялъ, чтобы дѣятельною враждою своею, онъ не вынуждалъ меня быть навсегда къ ней привязаннымъ. Я ждалъ его отвѣта, чтобы знать на что рѣшиться. „Вамъ двадцать - четыре года, „отвѣчалъ онъ мнѣ: не буду дѣйствовать противъ васъ по праву „власти, уже близкой предѣла своего и которой никогда я не „обнаруживалъ: стану даже, по мѣрѣ возможности, скрывать „вашъ странный поступокъ: распущу слухъ, что вы отправи- „лись по моему приказанію и по моимъ дѣламъ. Рачительно „озабочусь содержаніемъ вашимъ. Вы сами скоро почувствуете, „что жизнь, избранная вами, не пристала вамъ. Ваше рожде- „ніе, ваши дарованія, ваша фортуна готовили васъ въ свѣтъ „не на званіе товарища женщины безъ отечества и безъ имени. „Ваше письмо мнѣ доказываетъ уже, что вы недовольны собою. „Помните, что нѣтъ никакой выгоды оставаться въ положеніи, „отъ котораго краснѣешь. Вы расточаете напрасно лучшія лѣта „вашей молодости, и сія утрата не возвратится“.

Письмо отца пронзило меня тысячами кинжаловъ: я сто разъ твердилъ себѣ то, что онъ мнѣ говорилъ, и сто разъ стыдился жизни своей, протекающей во мракѣ и въ бездѣйствіи. Я предпочелъ бы упреки, угрозы; я поставилъ бы себѣ въ нѣ-

которую славу противоборствовать, и почувствовалъ бы необходимость собрать силы свои для защиты Элеоноры отъ опасностей, ее постигающихъ. Но не было опасностей: меня оставляли совершенно свободнымъ; и сія свобода служила мнѣ только въ перенесенію съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ ига, которое я, казалось, избралъ добровольно.

Мы поселились въ Каденѣ, маленькомъ городѣ Богемскомъ. Я твердилъ себѣ, что, разъ возложивъ на себя отвѣтственность участи Элеонориной, я долженъ беречь ее отъ страданій. Я успѣлъ приневолить себя, и заключилъ въ груди своей малѣйшіе признаки неудовольствій, и всѣ способы ума моего стремились создать себѣ искусственную веселость, которая могла бы прикрывать мою глубокую горестъ. Сія работа имѣла надомною дѣйствіе неожиданное. Мы существа столь зыбкія, что подъ конецъ ощущаемъ тѣ самыя чувства, которыя сначала выказывали изъ притворства. Сокрываемыя печали мои были мною отчасти забыты. Мои непрерывныя шутки разсѣивали мое собственное уныніе; и увѣренія въ нѣжности, конми ласкалъ я Элеонору, разливали въ сердцѣ моемъ нѣжное умиленіе, которое почти походило на любовь.

По временамъ воспоминанія досадныя осаждали меня. Когда я бывалъ одинъ, я предавался припадкамъ тоски безпокойной: я замышлялъ тысячу странныхъ предпріятій, чтобы вдругъ вырваться изъ сферы, въ которой мнѣ было неумѣстно. Но я отражалъ сіи впечатлѣнія, какъ тяжелые сны. Элеонора казалась счастливою; могъ ли я смутить ея счастье? Около пяти мѣсяцевъ протекло такимъ образомъ.

Однажды я увидѣлъ Элеонору смущенною: она старалась утаить отъ меня мысль, ее занимавшую. Послѣ многихъ просьбъ она потребовала отъ меня обѣщанія не противиться рѣшенію, принятому ею, и призналась, что графъ П... писалъ къ ней. Тяжба его была выиграна. Онъ вспоминалъ съ признательностью услуги, ею оказанныя, и свою десятилѣтнюю связь. Онъ предлагалъ ей половину фортуны своей, не съ тѣмъ, чтобы соединиться съ нею (соединеніе было уже дѣломъ невозможнымъ), но на условіи, что она броситъ неблагодарнаго предателя, ихъ

разлучившаго. Я отвѣчала, сказала она мнѣ, и вы угадаете, что я отвергла предложеніе. Я слишкомъ угадалъ ее, я былъ тронутъ; но я въ отчаяніи отъ новой жертвы, принесенной мнѣ Элеонорою. Не смѣлъ я однакоже представить никакого возраженія: всѣ попытки мои въ этомъ отношеніи были всегда такъ безплодны!... Я вышелъ, чтобы обдумать, на что рѣшиться. Мнѣ ясно было, что наши узы должны быть разорваны. Онѣ были прискорбны мнѣ, становились вредными ей: я былъ единственнымъ ей препятствіемъ въ новомъ приобрѣтеніи пристойной чреды и уваженія, рано или поздно послѣдующаго въ свѣтѣ за богатствомъ. Я былъ единственною преградой между ею и дѣтьми ея. У меня въ собственныхъ глазахъ не было оправданія. Уступить ей въ этомъ случаѣ было бы уже не великодушіе, но преступная слабость: я обѣщаль отцу своему быть снова свободнымъ, когда уже не буду нуженъ Элеонорѣ. Наконецъ, настало для меня время вступить на поприще, начать жизнь дѣятельную, приобрѣсть нѣкоторыя права на уваженіе людей, оказать благородное употребленіе моихъ способностей. Я возвратился къ Элеонорѣ. Мнѣ казалось, что я непоколебимо утвердился въ намѣреніи принудить Элеонору не отвергать предложеній графа П... и объявить ей, если нужно будетъ, что уже во мнѣ нѣтъ въ ней любви. Милый другъ, сказалъ я ей, можно нѣсколько времени бороться съ участью своею, но должно наконецъ покориться ей: законы общества сильнѣе воли человеческой; чувства самыя повелительныя разбиваются о роковое могущество обстоятельствъ. Напрасно упорствуемъ, совѣтуемся съ однимъ сердцемъ своимъ: рано или поздно мы осуждены снять рассудку. Я не могу удерживать васъ долѣе въ положеніи, недостойномъ равно и васъ, и меня: я не могу того позволить себѣ ни для васъ, ни для самого себя. По мѣрѣ словъ моихъ, которыя произносилъ я, не глядя на Элеонору, я чувствовалъ, что мысли мои становились темнѣе, и рѣшимость моя слабѣла. Я хотѣлъ завладѣть опять своими силами; я продолжалъ голосомъ торопливымъ: я всегда останусь вашимъ другомъ; всегда сохраню къ вамъ глубочайшую нѣжность. Два года связи нашей не изгладятся изъ памяти моей; они пребудутъ

навсегда лучшей эпохой жизни моей. Но любовь, восторгъ чувствъ, сіе упоеніе невольное, сіе забвеніе всѣхъ выгодъ, всѣхъ обязанностей, Элеонора, уже не существуютъ во мнѣ. Я долго ожидалъ отвѣта, не подымая глазъ на нее. Наконецъ взглянулъ. Она была неподвижна: она созерцала всѣ предметы, какъ будто не различая ни одного. Я схватилъ ея руку; она была холодна. Она меня оттолкнула. Чего хотите отъ меня? сказала она. Развѣ я не одна, одна въ мірѣ, одна безъ существа, мнѣ внимающаго? Что еще сказать хотите? Не все ли вы мнѣ уже сказали? Не всему ли конецъ, конецъ безвозвратный? Оставьте меня, побинуйте меня: не того ли вы желаете? Она хотѣла удалиться, она зашаталась; я старался поддержать ее; она безъ чувствъ упала въ ногамъ моимъ; я приподнялъ ее, обнялъ, привелъ въ память.—Элеонора, вскричалъ я, придите въ себя; придите ко мнѣ: люблю васъ любовью, любовью нѣжнѣйшею. Я васъ обманывалъ, хотѣлъ предоставить вамъ болѣе свободы въ выборѣ вашемъ. Легковѣріе сердца, ты неизъяснимо! Сія простая слова, избличенныя столькими предъидущими словами, возвратили Элеонору къ жизни и къ довѣренности. Она заставила меня повторить ихъ нѣсколько разъ: она, казалось, вдыхала ихъ съ жадностью. Она мнѣ повѣрила: она упоилась любовью своею, которую признавала нашею: подтвердила отвѣтъ свой графу П..., и я увидѣлъ себя связаннымъ болѣе прежняго.

Спустя три мѣсяца, новая возможность переменъ показала въ судьбѣ Элеоноры. Одинъ изъ поворотовъ обыкновенныхъ въ республикахъ, волнуемыхъ раздорами, призвалъ отца ея въ Польшу и утвердилъ его въ владѣніи имѣнія. Хотя онъ и едва зналъ дочь свою, по третьему году увезенную во Францію матерью ея, но пожелалъ имѣть ее при себѣ. Слухъ о приключеніяхъ Элеоноры глухо доходилъ до него въ Россіи, гдѣ онъ провелъ все время изгнанія своего. Элеонора была единственною наслѣдницею его. Онъ боялся одиночества, хотѣлъ для себя родственной попечительности: онъ занялся исключительно отысканіемъ пребыванія дочери своей, и когда узналъ о немъ, приглашалъ ее убѣдительно пріѣхать къ себѣ. Ей нельзя было чувствовать истинную привязанность къ отцу, котораго она не

могла запомнить. Она понимала однакоже, что ей надлежало повиноваться. Такимъ образомъ она обезпечивала судьбу дѣтей своихъ большою фортурою и сама входила снова на степень, съ которой низвели ее бѣдствія и ея поведеніе. Но она мнѣ объявила рѣшительно, что не иначе поѣдетъ въ Польшу, какъ со мною. Я уже въ тѣхъ лѣтахъ, сказала она мнѣ, въ которыя душа раскрывается къ новымъ впечатлѣніямъ! Отецъ мой для меня незнакомецъ. Если я здѣсь останусь, другіе овружатъ его охотно; онъ такъ же будетъ счастливъ. Дѣтямъ моимъ придется имѣніе графа П... Знаю, что вообще осудятъ меня, почтутъ дочерью неблагодарною и безчувственною матерью; но я слишкомъ страдала, я уже немолода, и мнѣніе свѣта мало владычествуетъ надо мною. Если въ моемъ рѣшеніи и есть жестокость, то вамъ, Адольфъ, винить себя въ этомъ. Если бы я могла довѣрить вамъ, можетъ быть, и согласилась бы на разлуку, которой горечь была бы умѣрена упованіемъ на соединеніе сладостное и прочное: но вы рады были бы увѣриться, что я въ двухъ стахъ миляхъ отъ васъ, довольна и спокойна въ нѣдрахъ семейства моего и богатства. Вы писали бы мнѣ по этому предмету письма благоразумныя, которыя вижу заранѣе: они раздирали бы мое сердце; не хочу себя подвергнуть тому: не имѣю отрады сказать себѣ, что жертвою всей жизни своей я успѣла внушить вамъ чувство, коего достойна; по крайней мѣрѣ вы приняли эту жертву. Я уже довольно страдала отъ холода обращенія вашего и сухости нашихъ отношеній: я покорилась симъ страданіямъ, вами мнѣ налагаемымъ: не хочу вызывать на себя добровольныхъ.

Въ голосѣ и рѣчахъ Элеоноры было что-то рѣзкое и неукротимое, означающее болѣе твердую рѣшительность, нежели чувство глубокое, или трогательное; съ нѣкотораго времени она раздражаема была заранѣе, когда меня просила о чемънибудь, какъ будто я ей уже отказалъ. Она располагала моими дѣйствіями; но знала, что мой разумъ отрицаетъ ихъ. Она желала бы проникнуть въ сокровенное святилище мысли моей и тамъ переломить тайное сопротивленіе, возмущавшее ее противъ меня. Я говорилъ ей о моемъ положеніи, о требованіяхъ отца моего,

о моемъ собственномъ желаніи. Я умолялъ, и горячился: Элеонора была непоколебима. Я хотѣлъ пробудить ея великодушіе, какъ будто любовь не самое исключительное и себялюбивое изъ всѣхъ чувствъ, и слѣдовательно, когда разъ оно уязвлено, не менѣе ли всѣхъ великодушно! Я старался страннымъ усиліемъ умилить ея несчастіемъ, на которое осужденъ я, оставаясь при ней; я успѣлъ только вывести ея изъ себя. Я обѣщаль ей посѣтить ея въ Польшѣ: но она въ неоткровенныхъ обѣщаніяхъ моихъ видѣла одно нетерпѣніе оставить ея.

Первый годъ пребыванія нашего въ Каденѣ былъ на исходѣ, и еще не было переменъ въ положеніи нашемъ. Когда Элеонора видѣла меня мрачнымъ и утомленнымъ, она сначала грустила, послѣ оскорблялась и вырывала у меня упреками своими признаніе въ утомленіи, которое желалъ бы я таить. Съ моей стороны, когда Элеонора казалась довольною, я досадовалъ, видя, что она наслаждается положеніемъ, стоящимъ мнѣ счастья моего, и я тревожилъ ея въ этомъ краткомъ наслажденіи намеками, объясняющими ей то, что я внутренно ощущалъ. Мы такимъ образомъ поражали другъ друга попеременно словами косвенными, чтобы послѣ отступить въ увѣренія общія, оправданія темныя и укрыться въ молчаніи. Мы такъ знали взаимно, о чемъ готовы были сказать другъ другу, что молчали, дабы не слышать того. Иногда одинъ изъ насъ готовился уступить; но мы упустили минуту благопріятную для сближенія нашего. Наши сердца недовѣрчивыя и уязвленные уже не сходились.

Я часто вопрошалъ себя, зачѣмъ остаюсь въ такомъ тяжеломъ положеніи: я отвѣчалъ себѣ, что, если удалюсь отъ Элеоноры, она за мною послѣдуетъ, и что такимъ образомъ я вынужу ея на новую жертву. Наконецъ сказалъ я себѣ, что должно удовлетворить ей въ послѣдній разъ, и что ей нечего уже будетъ требовать, когда я водворю ея среди семейства. Когда я готовъ былъ ей предложить ѣхать съ нею въ Польшу, она получила извѣстіе, что отецъ ея умеръ скоропостижно. Онъ назначилъ ея единственною по себѣ наследницею; но его духовная не согласна была съ послѣдующими его письмами, которыми угрожали воспользоваться дальніе родственники. Элеонора, не смотря на сла-

быя сношенія, существовавшія между ею и отцемъ, была живо опечалена кончиною его. Она пеняла себѣ, что оставила его. Вскорѣ начала она меня осуждать за вину свою. Вы меня оторвали, говорила она мнѣ, отъ обязанности священной. Теперь дѣло идетъ объ одномъ имѣніи моемъ: имъ еще скорѣе пожертвую для васъ. Но рѣшительно не поѣду одна въ землю, гдѣ встрѣчу однихъ непріятелей. Я не хотѣлъ (отвѣчалъ ей) отвратить васъ ни отъ какой обязанности; я желалъ, признаюсь, чтобы вы потрудились посудить, что и мнѣ было тяжело измѣнить своимъ; я не могъ заслужить отъ васъ сей справедливости. Я сдаюсь, Элеонора. Польза ваша побѣждаетъ всѣ прочія соображенія. Мы поѣдемъ вмѣстѣ, когда вамъ будетъ угодно.

Мы въ самомъ дѣлѣ отправились въ дорогу. Развлеченіе пути, новизна предметовъ, усилія, которыми мы перемогали сами себя, пробуждали въ насъ по временамъ остатокъ искренности. Долгая свычка наша другъ съ другомъ, обстоятельства разнообразныя, извѣданныя нами вмѣстѣ, придали каждому слову, почти каждому движенію воспоминанія, которыя переносили насъ вдругъ въ минувшее и погружали въ умиленіе невольное. Такъ молніи разсѣкаютъ ночь, не разгоняя ее. Мы жили, такъ сказать, какою-то памятью сердца: она еще могла пугать насъ горестью при мысли о разлукѣ; но мы уже не могли находить въ ней счастья, оставаясь вмѣстѣ. Я предавался симъ впечатлѣніямъ, чтобы отдохнуть отъ принужденія обычнаго. Я желалъ показывать Элеонорѣ доказательства въ нѣжности, которыя казались бы ей удовлетворительными; я принимался иногда съ нею за языкъ любви: но сіи впечатлѣнія и сіи рѣчи походили на листья блѣдныя и обезцвѣченныя, которыя остаткомъ изнемогающаго прозябанія томно растутъ на вѣтвяхъ дерева, вырваннаго съ корнемъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Элеонора съ самаго прїѣзда своего водворена была въ управленіе оспариваемыхъ у нея помѣстій, подѣ обязательствомъ не располагать ими до окончательнаго рѣшенія тяжбы. Она поселилась въ одномъ изъ нихъ. Отецъ мой, никогда въ письмахъ своихъ не приступавшій прямо, только наполнялъ ихъ намеками противъ моей поѣздки. „Вы извѣщали меня, писалъ онъ, что вы не поѣдете. Вы развили подробно предо мною всѣ причины, по которымъ рѣшились не ѣхать. И я вслѣдствіе того увѣренъ былъ, что вы поѣдете. Могу только жалѣть о васъ, видя, какъ съ вашимъ духомъ независимости вы всегда дѣлаете то, чего не хотите. Впрочемъ не берусь судить о положеніи, не совершенно мнѣ извѣстномъ. Доселѣ вы казались мнѣ покровителемъ Элеоноры, и въ этомъ отношеніи было въ вашихъ поступкахъ что-то благородное, возвышающее вашъ характеръ, не смотря на предметъ вашей привязанности. Нынѣ отношенія ваши уже не тѣ: уже не вы ей покровительствуете, она покровительствуетъ вамъ: вы живете у нея. Вы посторонній, котораго вводитъ она въ свое семейство. Не произнесу приговора надъ положеніемъ, избраннымъ вами; но оно можетъ имѣть свои неудобства: и я желалъ бы умалить ихъ по мѣрѣ возможности своей. Пишу въ барону Т..., нашему министру въ вашемъ краю, и поручаю васъ его благосклонности. Не знаю, почтете ли вы за нужное воспользоваться моимъ предложеніемъ; признайте въ этомъ, по крайней мѣрѣ, доказательство моего усердія, а ни мало не покушеніе на независимость, которую

вы завсегда умѣли защищать съ успѣхомъ противъ отца вашего“.

Я подавилъ въ себѣ размышленія, рождаемыя во мнѣ слогомъ сего письма. Деревня, въ которой жилъ я съ Элеонорою, была не въ дальнемъ разстояніи отъ Варшавы. Я поѣхалъ въ городъ къ барону Т...; онъ обошелся со мною ласково, спросилъ меня о причинахъ пребыванія моего въ Польшѣ, о моихъ дальнѣйшихъ намѣреніяхъ: я не зналъ, что отвѣчать ему. Послѣ нѣсколькихъ минутъ принужденнаго разговора, онъ сказалъ мнѣ: хочу говорить съ вами откровенно. Знаю причины, которыя привели васъ въ здѣшній край; вашъ отецъ меня о нихъ увѣдомилъ. Скажу даже, что понимаю ихъ: нѣтъ человѣка, который не былъ бы разъ въ жизни мучимъ желаніемъ пресѣчь связь неприличную, и страхомъ огорчить женщину, которую онъ любилъ. Неопытность молодости увеличиваетъ безъ мѣры затрудненія подобнаго положенія: пріятно довѣрять истинѣ всѣхъ свидѣтельствъ горести, замѣняющихъ въ полѣ слабомъ и заносчивомъ всѣ средства силы и разсудка. Сердце отъ того страдаетъ, но самолюбіе наслаждается; и тотъ, кто добродушно полагаетъ, что предастъ себя въ возмездіе на жертву отчаянію имъ внушенному, въ самомъ дѣлѣ жертвуетъ только обманамъ собственнаго тщеславія. Нѣтъ ни одной изъ страстныхъ женщинъ, населяющихъ шаръ земной, которая не влялась, что убьютъ, покидая ее: нѣтъ ни одной еще, которая не осталась бы въ живыхъ и не утѣшилась. Я хотѣлъ прервать слова его. Извините меня, мой молодой другъ, сказалъ онъ мнѣ, если изъясняюсь прямо: но все хорошее, объ васъ мнѣ сказанное, дарованія, замѣтныя въ васъ; поприще, по коему должны вы пройти—все налагаетъ на меня обязанность ничего отъ васъ не утаивать. Читаю въ душѣ вашей вопреки вамъ и лучше васъ: вы уже не влюблены въ женщину, господствующую вами и влекущую васъ за собою; если бы еще любили ее, то не пріѣхали бы ко мнѣ. Вы знали, что отецъ вашъ писалъ ко мнѣ: вамъ легко было догадаться о томъ, что скажу вамъ; вамъ недосадно было слушать изъ устъ моихъ разсужденія, которыя вы сами себѣ повторяете непрерывно и всегда безуспѣшно. Имя

Элеоноры не совершенно безпорочно... Прекратите, прошу васъ, отвѣчалъ я, разговоръ бесполезный. Бѣдственные обстоятельства могли располагать первыми годами Элеоноры; можно судить о ней неблагопріятно по лживымъ признакамъ: но я знаю ее три года, и нѣтъ въ мірѣ души возвышеннѣе, ея характера благороднѣе, сердца чище и безкорыстнѣе. Какъ вамъ угодно, возразилъ онъ, но подобныхъ отгѣновъ мнѣ не будешь глубоко изслѣдовать. Дѣйствія положительны; они гласны. Запрещая мнѣ напоминать о нихъ, думаете ли, что ихъ уничтожаете? Послушайте, продолжалъ онъ, надобно знать въ свѣтѣ, чего хочешь? Вы на Элеонорѣ не женитесь? Нѣтъ, безъ сомнѣнія, вскричалъ я; она сама никогда не желала того. Что же вы намѣрены дѣлать? Она десятью годами васъ старѣе. Вамъ двадцатьшесть лѣтъ; вы позаботитесь о ней еще лѣтъ десять. Она состарится: вы достигнете до половины жизни вашей, ничего не начавъ, ничего не кончивъ для васъ удовлетворительнаго. Скука овладѣетъ вами; тоска и досада овладѣютъ ею: она съ каждымъ днемъ будетъ вамъ менѣе пріятна, вы съ каждымъ днемъ будете ей нужнѣе; и рожденіе знаменитое, фортуна блестящая, умъ отличный ограничатся тѣмъ, что вы будете прозябать въ углу Польши, забытые друзьями вашими, потерянные для славы и мучимы женщиною, которая, чтобы вы ни дѣлали, никогда довольна не будетъ. Прибавлю еще слово, и мы болѣе уже не возвратимся къ предмету, который приводитъ васъ въ замѣшательство. Всѣ дороги вамъ открыты: литературная, воинская, гражданская; вы имѣете право искать свойства съ почетнѣйшими домами; вы рождены достигнуть всего; но помните твердо, что между вами и всѣми родами успѣха есть преграда необоримая, и эта преграда Элеонора. Я почелъ обязанностью, милостивый государь, отвѣчалъ я ему, выслушать васъ въ молчаніи; но обязанъ я и для себя объявить вамъ, что вы меня не поколебали. Никто, кромѣ меня, повторяю, не можетъ судить Элеонору. Никто не оцѣниваетъ достаточно истины ея чувствованій и глубины ея впечатлѣній. Пока я буду ей полезенъ, я останусь при ней. Никакой успѣхъ не утѣшитъ меня, если оставлю ее несчастною; а хотя и пришлось бы мнѣ ограничить свое

поприще единственно тѣмъ, что буду служить ей подпорою, что буду подкрѣплять ее въ печаляхъ ея, что осѣню ее моею привязанностью отъ несправедливости мнѣнія, не познавшаго ея, и тогда бы еще думалъ я, что дано мнѣ было жить не напрасно.

Я вышелъ, доканчивая сіи слова: но кто растолкуетъ мнѣ, по какому непостоянству, чувство, внушившее мнѣ ихъ, погасло еще прежде, нежели успѣлъ я ихъ договорить? Я захотѣлъ, возвращаясь пѣшкомъ, удалить минуту свиданія съ этою Элеонорою, которую сейчасъ защищалъ; я поспѣшно пробѣжалъ весь городъ: мнѣ не терпѣлось быть одному.

Достигнувъ поля, я пошелъ тише: тысяча мыслей обступили меня. Сіи роковыя слова: „между всѣми родами успѣха и вами есть преграда необоримая и эта преграда Элеонора“, звучали вокругъ меня. Я винулъ долгій и грустный взглядъ на время, протекшее безъ возврата: я припоминалъ себѣ надежды молодости, довѣрчивость, съ которою нѣкогда повелѣвалъ я будущимъ, похвалы, привѣтствовавшія мои первые опыты, зарю добраго имени моего, которая блеснула и исчезла предо мною; я твердилъ себѣ имена многихъ товарищей въ ученіи, которыми пренебрегалъ я съ гордостью, и которые однимъ упорнымъ трудомъ и порядочною жизнью далеко оставили меня за собою на стезѣ фортуны, уваженія и славы: мое бездѣйствіе давило меня. Подобно свупцамъ, представляющимъ себѣ въ сокровищахъ, собираемыхъ ими, всѣ блага, которыя бы можно было купить на эти сокровища, я видѣлъ въ Элеонорѣ лишеніе всѣхъ успѣховъ, на которые имѣлъ я права. Я сѣтовалъ не объ одномъ поприщѣ: не повусившись ни на одно, я сѣтовалъ о всѣхъ поприщахъ. Не испытывавъ никогда силъ своихъ, я почиталъ ихъ безпредѣльными и проклиналъ ихъ: я тогда желалъ бы родиться отъ природы слабымъ и ничтожнымъ, чтобы оградить себя, по крайней мѣрѣ, отъ упрека въ добровольномъ униженіи: всякая похвала, всякое одобреніе уму или познаніямъ моимъ были мнѣ укоризною нестерпимою: мнѣ казалось, что слышу, какъ удивляются мощнымъ рукамъ бойца, скованнаго желѣзами въ глуши темницы. Хотѣлъ ли я уловить мою бодрость, сказать себѣ, что пора

дѣятельности еще не миновалась: образъ Элеоноры возникалъ предо мною какъ привидѣніе и откидывалъ меня въ ничтожность; я чувствовалъ въ себѣ движенія бѣшенства на нее, и по странному смѣшенію сіе бѣшенство ни мало не умѣряло страха, во мнѣ внушаемаго мыслию опечалить ее.

Душа моя, утомленная сими горькими чувствами, искала себѣ вдругъ прибѣжища въ чувствахъ противоположныхъ. Нѣсколько словъ, сказанныхъ, можетъ быть, случайно барономъ Т... о возможности союза сладостнаго и мирнаго, послужили мнѣ въ созданію себѣ идеала подруги. Я размыслился о спокойствіи, объ уваженіи, о самой независимости, обѣщанной мнѣ подобною участію: ибо узы, которыя влчили я такъ давно, держали меня въ зависимости, тысячу разъ тягостнѣйшей, нежели та, которой поворился бы я союзомъ признаннымъ и законнымъ. Я воображалъ себѣ радость отца моего; я ощущалъ въ себѣ живѣйшее нетерпѣніе пріобрѣсть снова въ отечествѣ и въ обществѣ мнѣ равныхъ мѣсто, принадлежавшее мнѣ по праву; я видѣлъ себя, строгою и безукорительною жизнію опровергающимъ приговоры, произнесенные обо мнѣ злорѣчіемъ холоднымъ и вѣтраннымъ, и всѣ упреки, коими поражала меня Элеонора.

Она обвиняетъ меня непрерывно, говорилъ я, въ томъ, что я суровъ, неблагодаренъ, безжалостливъ. Ахъ, еслибы небо даровало мнѣ подругу, которую приличія общественныя позволили бы мнѣ назвать своею, которую родитель мой, не краснѣя, могъ бы наречь дочерью, я въ тысячу разъ былъ бы счастливѣе, видя себя виновникомъ ея счастья! Чувствительность, которой не признаютъ во мнѣ, потому что она сжата, страдаетъ, потому что требуютъ отъ нея повелительно доказательствъ, въ которыхъ сердце мое отказывается заносчивости и угрозѣ, чувствительность сія обнаружилась бы во мнѣ, еслибы могъ я предаваться ей съ любимымъ существомъ, спутникомъ моимъ въ жизни правильной и уваженной. Чего я не сдѣлалъ для Элеоноры? Для нея покинулъ я отечество и семейство; для нея опечалилъ я сердце престарѣлаго отца, который груститъ еще въ разлуцѣ со мною; для нея живу я въ краяхъ, гдѣ молодость моя утекаетъ одинокая, безъ славы, безъ чести, безъ удоволь-

ствія: столько пожертвованій, совершенныхъ безъ обязанности и безъ любви, не показываютъ ли, чего могли бы ожидать отъ меня любовь и обязанность? Если я столько страшусь горести женщины, господствующей надо мною единою горестью своею, то какъ заботливо устранялъ бы я всякую скорбь и досаду отъ той, которой могъ бы я себя гласно посвятить безъ угрызений и безраздѣльно! Сколько былъ бы я тогда не похожъ на то, что я нынѣ! Какъ горечь сія, которую мнѣ ставятъ теперь въ преступленіе, потому что источникъ ея невѣдомъ, быстро убѣждала бы отъ меня! Сколько былъ бы я благодаренъ небу и благосклоненъ къ людямъ!

Я говорилъ такимъ образомъ: глаза мои увлажнились слезами; тысяча воспоминаній вторгались потоками въ мою душу. Мои сношенія съ Элеонорою сдѣлали всѣ сіи воспоминанія для меня ненавистными. Все, что припоминало мнѣ мое дѣтство; мѣста, гдѣ протекли мои первые годы; товарищей моихъ первыхъ игръ; престарѣлыхъ родственниковъ, расточавшихъ предо мною первыя свидѣтельства нѣжнаго участія—все это явилло, гнѣло меня: я вынужденъ былъ отражать, какъ мысли преступныя, образы самые улыбчивые, желанія самыя сродныя. Подруга, которую воображеніе мое внезапно создало, сливалась напротивъ со всѣми этими образами и освящала всѣ сіи желанія. Она соучаствовала мнѣ во всѣхъ моихъ обязанностяхъ, во всѣхъ моихъ удовольствіяхъ, во всѣхъ моихъ вкусахъ. Она сдвигала мою жизнь настоящую съ тою эпохою моею молодости, когда надежда разверзала мнѣ столь обширную даль, съ эпохою, отъ которой Элеонора отдѣлила меня, какъ бездною. Малѣйшія подробности, маловажнѣйшіе предметы живописались предъ моею памятью: я видѣлъ вновь древнюю обитель, въ которой жилъ я съ родителемъ; лѣса, ее окружающіе; рѣку, орошающую подошву стѣнъ ея; горы, граничившія съ небосклономъ. Всѣ сіи явленія казались мнѣ столь очевидными, столь исполненными жизни, что они поражали меня трепетомъ, который я выносилъ съ трудомъ, и воображеніе мое ставило вовлѣ нихъ твореніе невинное и молодое, ихъ украшающее, одушевляющее ихъ надеждою. Я скитался, погруженный въ это мечтаніе, все

безъ рѣшенія твердаго, не говоря себѣ, что должно разорвать связь съ Элеонорою, имѣя о дѣйствительности одно понятіе глухое и смутное, и въ положеніи человѣка, удрученнаго горестью, котораго сонъ утѣшилъ видѣніемъ, и которой предчувствуетъ, что сновидѣніе пропадаетъ. Я усмотрѣлъ вдругъ замокъ Элеоноры, къ которому приближался нечувствительно: я остановился, повернулъ на другую дорогу: счастливъ былъ, что отсрочу минуту, въ которую услышу голосъ ея.

День угасалъ; небо было чисто; поля пустѣли; работы людскія кончились: люди предавали природу себѣ самой. Думы мои означались постепенно оттѣнками болѣе строгими и величавыми. Мраки ночи, густѣвшіе безпрестанно, обширное безмолвіе, меня окружавшее и перерываемое одними отзвуками, рѣдкими и отдаленными, замѣнили мое волненіе чувствомъ, болѣе спокойнымъ и благоговѣйнымъ. Я пробѣгалъ глазами по сѣроватому небосклону, коего предѣлы были мнѣ уже незримы: тѣмъ самымъ раскрывалъ онъ во мнѣ, нѣкоторымъ образомъ, ощущеніе неизмѣримости. Я давно не испытывалъ ничего подобнаго: непрерывно поглощаемый размышленіями, всегда личными, всегда обращающій взоры свои на свое положеніе, я сдѣлался чуждымъ всякому общему понятію: я занятъ былъ только Элеонорою и собою; Элеонорою, къ которой хранилъ одно состраданіе пополамъ съ усталостью; собою, котораго уже вовсе не уважалъ: я себя сжалъ, такъ сказать, въ новомъ родѣ эгоизма -- въ эгоизмѣ безъ бодрости, недовольномъ и уничиженномъ: я любовался тѣмъ, что возрождаюсь въ мыслямъ другаго разряда, что отыскиваю способность забывать себя самого, предаваясь думамъ безкорыстнымъ; казалось, душа моя возстаетъ отъ паденія долгаго и постыднаго.

Почти всю ночь провелъ я такимъ образомъ. Я шелъ, куда глаза глядятъ: я обѣжалъ поля, лѣса, селенія, гдѣ все было безъ движенія. Изрѣдка усматривалъ я въ отдаленномъ жилищѣ блѣдный свѣтъ, пробивающій темноту. Тутъ, говорилъ я себѣ, тутъ, быть можетъ, какою нибудь несчастный раздирается скорбью или борется со смертию — со смертию, тайнствомъ неизъясни-

мымъ, въ которомъ опытность всеневная какъ будто еще не убѣдила людей, предѣломъ неизбѣжнымъ, который не утѣшаетъ, не усмиряетъ насъ; предметомъ безопасности необычайной и ужаса преходящаго: и я такъ же, продолжалъ я, предаюсь сей вѣтренности безумной! я возмущаюсь противъ жизни какъ будто этой жизни не имѣть конца! я разсѣваю несчастія кругомъ себя, чтобы на свою долю завоевать себѣ нѣсколько годовъ ничтожныхъ, которыхъ время не замедлитъ у меня похитить! Ахъ, откажемся отъ сихъ тщетныхъ усилій: насладимся, глядя, какъ сіе время убѣгаетъ, какъ одни сходятъ дни на другіе: останемся неподвижными, равнодушными зрителями бытія, уже до половины истекшаго; пускай овладѣютъ имъ, пускай раздираютъ его: теченія его не продлятъ: стоитъ ли его оспаривать?

Мысль о смерти имѣла надо мною всегда большое владычество. Въ моихъ живѣйшихъ чувствахъ она всегда смиряла меня: она произвела на душу мою свое обычайное дѣйствіе: расположеніе мое въ Элеонорѣ смягчилось; раздраженное волненіе исчезло: изъ впечатлѣній сей ночи безумія оставалось во мнѣ одно чувство, сладостное и почти спокойное; можетъ быть, усталость физическая, ощущаемая мною, содѣйствовала этому спокойствію.

Начинало разсвѣтать. Я уже различалъ предметы. Я узналъ, что я былъ довольно далеко отъ жилища Элеоноры. Я представлялъ себѣ ея безпокойство и спѣшилъ возвратиться къ ней, по возможности силъ моихъ утомленныхъ: дорогою встрѣтилъ я человѣка верхомъ, посланнаго ею отыскивать меня. Онъ сказалъ мнѣ, что она уже двѣнадцать часовъ въ живѣйшемъ страхѣ, что, съѣздивъ въ Варшаву, объѣздивъ всѣ окрестности, возвратилась она домой въ тоскѣ неизъяснимой, и что жители ея разосланы по всѣмъ сторонамъ искать меня. Этотъ рассказъ исполнилъ меня тотчасъ нетерпѣніемъ довольно тяжкимъ. Мнѣ стало досадно, видя себя подверженнаго Элеонорою надзору докучному. Напрасно твердилъ я себѣ, что любовь ея одна виною тому; но не самая ли эта любовь была виною всего моего несчастія? Однако же я успѣлъ одолѣть сіе чувство, въ которомъ упрекалъ себя. Я зналъ, что она страшится и страдаетъ. Я

сѣлъ на лошадь. Я проскакалъ послѣшно разстояніе, насъ раздѣлявшее. Она приняла меня съ восторгами радости. Я былъ умиленъ ея нѣжностью. Разговоръ нашъ не былъ продолжителенъ, потому что она помнила, что мнѣ нужно отдохновеніе: и я оставилъ ее, по крайней мѣрѣ на этотъ разъ ничего не сказавъ прискорбнаго для сердца ея.

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

На другой день всталъ я, преслѣдуемый мыслями, волновавшими меня наканунѣ. Волненіе мое усиливалось въ слѣдующіе дни: Элеонора тщетно хотѣла проникнуть причину онаго. На ея стремительные вопросы я отвѣчалъ принужденно односложными словами. Я, такъ сказать, хотѣлъ закалить себя противъ ея увѣщеваній, зная, что за моею откровенностью послѣдуетъ скорбь ея, и что ея скорбь наложитъ на меня новое притворство.

Безповойная и удивленная, она прибѣгла къ одной своей пріятельницѣ, чтобы развѣдать тайну, въ которой она меня обвиняла: алкая сама себя обманывать, искала она событія тамъ, гдѣ было одно чувство. Сія пріятельница говорила мнѣ о моемъ своенравіи, объ усиліяхъ, съ коими отвращалъ я всякую мысль о продолжительной связи, о моей непостижимой жаждѣ разрыва и одиночества. Долго слушалъ я ее въ молчаніи; до той поры я еще никому не связывалъ, что уже не люблю Элеонору: языкъ мой отказывался отъ сего признанія, которое казалось мнѣ предательствомъ. Я хотѣлъ однакоже оправдать себя; я рассказалъ повѣсть свою съ осторожностью, говорилъ съ большими похвалами объ Элеонорѣ, признавался въ неосновательности поведенія моего, приписывая ее затруднительности нашего положенія, и не позволялъ себѣ промолвить слово, которое ясно показало бы, что истинная затруднительность съ моей стороны заключается въ отсутствіи любви. Женщина, слушавшая меня, была растрогана моимъ рассказомъ: она видѣла великодушіе въ томъ,

что я называлъ суровостью; тѣ же объясненія, которыя приводили въ изступленіе страстную Элеонору, вливали убѣжденіе въ умъ безпристрастной ея пріятельницы. Такъ легко быть справедливымъ, когда бываешь безкорыстнымъ. Кто бы вы ни были, не поручайте никогда другому выгодъ вашего сердца! Сердце одно можетъ быть ходатаемъ въ своей тяжбѣ. Оно одно измѣряетъ язвы свои: всякій посредникъ становится судіею; онъ слѣдуетъ, онъ мирволитъ, онъ понимаетъ равнодушіе, онъ допускаетъ возможность его, признаетъ неизбежность его, и равнодушіе находитъ себя чрезъ это, въ чрезвычайному удивленію своему, законнымъ въ собственныхъ глазахъ своихъ. Упреки Элеоноры убѣдили меня, что я былъ виновенъ: я узналъ отъ той, которая думала быть защитницею ея, что я только несчастливъ. Я завлеченъ былъ до полного признанія въ чувствахъ моихъ; я согласился, что питаю къ Элеонорѣ преданность, сочувствіе, состраданіе: но прибавилъ, что любовь не была нисколько участницею въ обязанностяхъ, которыя я возлагалъ на себя. Сія истина, доселѣ заключенная въ моемъ сердцѣ и повѣданная Элеонорѣ, единственно посреди смущенія и гнѣва, облеклась въ собственныхъ глазахъ моихъ большою дѣйствительностью и силою именно потому, что другой сталъ ея хранителемъ. Шагъ большой, шагъ безвозвратный проложенъ, когда мы раскрываемъ вдругъ передъ взорами третьяго изгибы сокровенныя сердечной связи; свѣтъ, проникающій въ сіе святилище, свидѣтельствуется и довершаетъ разрушенія, которыя тьма окружала своими мраками: табъ тѣла, заключенныя въ гробахъ, сохраняютъ часто свой первобытный образъ, пока воздухъ внѣшній не воснется ихъ и не обратитъ въ прахъ.

Пріятельница Элеоноры меня оставила: не знаю какой отчетъ отдала она ей о нашемъ разговорѣ; но, подходя къ гостиной, услышалъ я голосъ Элеоноры, говорящей съ большою живостью. Увидя меня, она замолчала. Вскорѣ развѣтывала она подъ различными измѣненіями понятія общія, которыя были ничто иное, какъ нападенія частныя. Ничего нѣтъ страннѣе, говорила она, усердія нѣкоторыхъ пріязней: есть люди, которые торопятся быть ходатаями вашими, чтобы удобнѣе отка-

заться отъ вашей пользы: они называютъ это привязанностью; я предпочла бы ненависть. Я легко понялъ, что пріятельница Элеоноры была защитницею моею противъ нея, и раздражила ее, не находя меня довольно виновнымъ. Я такимъ образомъ былъ въ нѣкоторомъ сочувствіи съ другимъ противъ Элеоноры: это между сердцами нашими была новая преграда.

Спустя нѣсколько дней, Элеонора была еще неумѣреннѣе; она не была способна ни къ какому владычеству надъ собою: когда полагала, что имѣетъ причину къ жалобѣ, она прямо приступала къ объясненію безъ бережливости и безъ разчета, и предпочтала опасеніе разрыва принужденію притворства. Обѣ пріятельницы разстались въ ссорѣ непримиримой.

Зачѣмъ вмѣшивать постороннихъ въ наши сердечныя перемолвки? говорилъ я Элеонорѣ. Нужно ли намъ третьяго, чтобы понимать другъ друга? А если уже не понимаемъ, то третій поможетъ ли намъ въ этомъ?—Вы сказали справедливо, отвѣчала она мнѣ: но вина отъ васъ; бывало, я не прибѣгала ни къ кому, чтобы достигнуть до сердца вашего.

Неожиданно Элеонора объявила намѣреніе перемѣнить образъ жизни своей. Я разгадалъ по рѣчамъ ея, что неудовольствіе, меня пожиравшее, она приписывала уединенію, въ которомъ живемъ. Прежде, чѣмъ поворить себя истолкованію истинному, она истощала всѣ истолкованія ложныя. Мы проводили съ глаза на глазъ однообразные вечера между молчаніемъ и досадами: источникъ долгихъ бесѣдъ уже изсякнулъ.

Элеонора рѣшилась привлечь къ себѣ дворянскія семейства, живущія въ сосѣдствѣ или въ Варшавѣ. Я легко предусмотрѣлъ препятствія и опасности попытокъ ея. Родственники, оспаривавшіе наслѣдство у ней, разгласили ея прежнія заблужденія и разсѣяли тысячу злорѣчивыхъ поклеповъ на нее. Я трепеталъ униженій, которымъ она подвергается, и старался отвратить ее отъ этого предположенія. Мои представленія остались безуспѣшными; я оскорбилъ гордость ея моими опасеніями, хотя и выражалъ ихъ бережно. Она подумала, что я тягочусь связью нашею, потому что жизнь ея была двусмысленна: тѣмъ болѣе поспѣшила она завладѣть снова почетною чредою въ свѣтѣ. Уси-

лія ея достигли нѣкотораго успѣха. Благосостояніе, которымъ она пользовалась; красота ея, еще мало измѣненная временемъ; молва о самыхъ приключеніяхъ ея — все въ ней возбуждало любопытство. Вскорѣ увидѣла она себя окруженною многолюднымъ обществомъ: но она была преслѣдуема современнымъ чувствомъ замѣшательства и безповойствія. Я досадовалъ на свое положеніе: она воображала, что я досажую на положеніе ея; она выбивалась изъ него. Цыльное желаніе ея не давало ей времени на обдуманность; ея ложныя отношенія видали неровность на поведеніе ея и опрометчивость на поступки. Умъ ея былъ вѣренъ, но мало обширенъ; вѣрность ума ея была искажена вспыльчивостью нрава; недалновидность препятствовала ей усмотрѣть черту надежнѣйшую и схватить тонкія оттѣнки. Въ первый разъ назначила она себѣ цѣль: и потому, что стремилась къ этой цѣли, она ее миновала. Сколько доукъ вытерпѣла она, не открываясь мнѣ! сколько разъ краснѣлъ я за нее, не имѣя силы сознаться ей въ томъ! Таковы между людьми господство осторожности въ приличіяхъ и соблюденіе мѣрности, что Элеонора бывала болѣе уважена друзьями графа П... въ званіи любовницы его, нежели сосѣдами своими, въ званіи наслѣдницы большихъ помѣстій, посреди своихъ вассаловъ. Поперемѣнно высокоумная и умоляющая, то привѣтливая, то подозрительно выскаательная, она въ поступкахъ и рѣчахъ своихъ таила, не знаю, какую-то разрушительную опрометчивость, низвергающую уваженіе, которое обрѣтается единымъ спокойствіемъ.

Исчисляя, такимъ образомъ, погрѣшности Элеоноры, я себя обвиняю, себѣ приговоръ подписываю. Одно слово мѣе могло бы ее усмирить; почему не вымолвилъ я этого слова?

Мы однако же между собою жили миролюбивѣе. Развлеченіе было намъ отдыхомъ отъ нашихъ мыслей обычайныхъ. Мы бывали одни только по временамъ и, храня другъ къ другу довѣренность безпредѣльную во всемъ, за исключеніемъ ближайшихъ чувствъ нашихъ, мы замѣщали сіи чувства наблюденіями и дѣйствительностью, и бесѣды наши были снова для насъ не безъ прелести. Но скорѣ сей новый родъ жизни обра-

тился для меня въ источникъ новаго безпокойствія. Затерянный въ толпѣ, окружавшей Элеонору, я замѣтилъ, что былъ предметомъ удивленія и порицанія. Эпоха рѣшенію тажбы ея приближалась: противники ея утверждали, что она охолодила къ себѣ сердце родительское проступками безчисленными; присутствіе мое было засвидѣтельствомъ увѣреній ихъ. Пріатели ея винили меня за вредъ, который ей причиняю. Они извиняли страсть ея ко мнѣ; но меня уличали въ безчувственности и въ небреженіи добраго имени ея: я, говорили они, употребляю во зло чувство, которое мнѣ должно было бы умѣрить. Я зналъ одинъ, что, покидая ее, увлеку по слѣдамъ своимъ, и что она изъ желанія не разлучиться со мною пожертвуетъ всѣми выгодами фортуны и всѣми расчетами осторожности. Я не могъ избрать публику повѣренною тайны сей; такимъ образомъ я въ домѣ Элеоноры казался не иначе, какъ постороннимъ, вредящимъ даже успѣху дѣла, отъ котораго зависѣла судьба ея; и по странному испроверженію истины, въ то время, когда я былъ жертвою воли ея непоколебимой, она внушала жалость, и выдаваема была за жертву господства моего.

Новое обстоятельство припуталось въ этому положенію страдательному.

Необыкновенный оборотъ оказался неожиданно въ поведеніи и обращеніи Элеоноры; до той поры, казалось, она занята была мною однимъ: вдругъ увидѣлъ я, что она не чуждается и домогается поклоненій мужчинъ, ее окружавшихъ. Сія женщина, столь осторожная, столь холодная, столь опасливая, кажется, внезапно перемѣнилась въ нравѣ. Она ободряла чувства и даже надежды молодежи, изъ коей иные, прельщаясь ея красотою, а другіе, не смотря на минувшія заблужденія, искали дѣйствительно руки ея; она не отказывала имъ въ долгихъ свиданіяхъ съ глаза на глазъ; она имѣла съ ними это обращеніе сомнительное, но привлекательное, которое отражаетъ слабо, чтобы удерживать, потому что оно обличаетъ болѣе нерѣшительность, нежели равнодушіе, болѣе отсрочку, нежели отказъ. Я послѣ узналъ отъ нея самой, и событія меня въ томъ увѣрили, что она поступала такимъ образомъ по расчету лож-

ному и бѣдственному. Она, надѣясь оживить мою любовь, возбуждала мою ревность: но она тревожила пепель, который ничѣмъ не могъ уже быть согрѣтъ. Можетъ быть, съ этимъ расчетомъ и безъ вѣдома ея самой сливалось нѣкоторое тщеславіе женское: она была уязвлена моею холодностью; она хотѣла доказать себѣ самой, что можетъ еще нравиться. Можетъ быть, въ одиночествѣ, въ которомъ оставилъ я сердце ея, находила она нѣкоторую отраду, внимая выраженіямъ любви, которыхъ я давно уже не произносилъ.

Какъ бы то ни было, но я нѣсколько времени ошибался въ побужденіяхъ ея. Я провидѣлъ зарю моей свободы будущей; я поздравилъ себя съ тѣмъ. Страшась прервать какимъ нибудь движеніемъ необдуманнмъ сей важный переломъ, отъ котораго ожидалъ я своего избавленія, я сталъ кротче и казался довольнѣе. Элеонора почла мою кротость за нѣжность; мою надежду увидѣть ее счастливою безъ меня за желаніе утвердить ея счастье. Она радовалась своей уловкѣ. Иногда однако же пугалась она, не замѣчая во мнѣ никакого безпокойствія: она попрекала мнѣ, что не ставлю никакихъ преградъ симъ связямъ, которыя повидимому могли ее отъ меня похитить. Я отражалъ ея обвиненія шутками, но не всегда удавалось мнѣ успокоить ее. Характеръ ея сквозилъ изъ подъ притворства, которое она на себя налагала. Сшибки загорались на другомъ полѣ, но были не менѣе бурны. Элеонора приписывала мнѣ свои проступки; она намекала мнѣ, что одно слово мое обратило бы ее ко мнѣ совершенно; потомъ оскорбленная моимъ молчаніемъ, она видалась снова въ воекетство съ нѣкоторымъ изступленіемъ.

Особливо же здѣсь, я это чувствую, обвинять меня въ малодушіи. Я хотѣлъ быть свободнымъ, и могъ быть свободнымъ при всеобщемъ одобреніи: я въ тому и былъ обязанъ, можетъ быть; поведеніе Элеоноры подавало мнѣ право, и казалось, вынуждало меня на то. Но не зналъ ли я, что сіе поведеніе было плодомъ моимъ? Не зналъ ли я, что Элеонора въ глубинѣ сердца своего не переставала любить меня? Могъ ли я наказывать ее за неосторожность, въ которую вовлекалъ ее? Могъ ли я хо-

лоднымъ лицомъромъ искать предлога въ сихъ неосторожностяхъ для того, чтобы покинуть ее безжалостно?

Рѣшительно не хочу извинять себя; осуждаю себя строже, нежели, можетъ быть, другой на моемъ мѣстѣ осудилъ бы себя: но могу по крайней мѣрѣ дать за себя торжественное свидѣтельство, что я никогда не дѣйствовалъ по расчету, а былъ всегда управляемъ чувствами истинными и естественными. Какъ могло случиться, что съ такими чувствами былъ я такъ долго на несчастіе себѣ и другимъ?

Общество однако же наблюдало меня съ удивленіемъ. Мое пребываніе у Элеоноры могло быть объяснено одною моею чрезмѣрною привязанностью къ ней; а равнодушіе, оказываемое мною при видѣ новыхъ узъ, которыя она казалась всегда готовою принять, отрицало эту привязанность. Приписывали мою неопостижимую терпимость вѣтренности правилъ, безопасности въ отношеніи къ нравственности, которыя (такъ говорили) изобличаютъ человѣка, глубоко проникнутаго эгоизмомъ и развращеннаго свѣтомъ. Сіи заключенія, тѣмъ болѣе способныя къ впечатлѣніямъ, чѣмъ болѣе принаравливались они къ душамъ ихъ выводящимъ, были охотно одобрены и разглашены. Отзвѣвъ ихъ достигъ наконецъ и до меня; я негодовалъ при семъ неожиданномъ открытіи: въ возмездіе моихъ продолжительныхъ пожертвованій я былъ неощененъ, былъ оклеветанъ: я для женщины забылъ всѣ выгоды, отклонилъ всѣ радости жизни—и меня же осуждали.

Я объяснился горячо съ Элеонорою: одно слово разсѣяло сей рой обожателей, созванный ею только съ тѣмъ, чтобы пугать меня утратою ея. Она ограничила свое общество нѣсколькими женщинами и малымъ числомъ мужчинъ пожилыхъ. Все облеклось вокругъ насъ правильною наружностью: но мы отъ этого были только несчастнѣе; Элеонора полагала, что она присвоила себѣ новыя права; я почувствовалъ себя отягченнымъ новыми цѣпями.

Не умѣю описать, сколько горечи и сколько изступленій было послѣдствіемъ сношеній нашихъ, такимъ образомъ многосложенныхъ. Наша жизнь была гроза непрерывная. Искрен-

ность утратила всё свои прелести, и любовь всю свою сладость. У насъ уже не было и тѣхъ переходчивыхъ промежутковъ, которые на нѣсколько мгновений какъ будто исцѣляютъ язвы неисцѣлимья. Истина пробилась со всѣхъ сторонъ, и я для поведенія ея избиралъ выраженія самая суровья и самая безжалостныя. Я только тогда смирялся, когда видалъ Элеонорѹ въ слезахъ; и самая слезы ея были не что иное, какъ лава горящая, которая, падая капля за каплею на мое сердце, исторгала изъ меня вопли, но не могла исторгнуть отрицанія. Въ это самое время видѣлъ я не одинъ разъ, какъ вставала она блѣдная, и вдохновенная пророчествомъ: „Адольфъ, восклицала она, вы не вѣдаете зла, которое мнѣ наносите; вы о немъ нѣкогда узнаете, узнаете отъ меня, когда низринете меня въ могилу“. Несчастный, когда я слышалъ эти слова, почто я самъ не бросился въ могилу до нея!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Я не возвращался къ барону Т. съ послѣдняго посѣщенія моего. Однажды утромъ получилъ я отъ него слѣдующую записку:

„Совѣты, мною данные вамъ, не должны были надолго таѣ разлучить насъ. На что бы вы не рѣшились въ обстоятельствахъ, до насъ касающихся, вы все не менѣе того сынъ друга моего; не менѣе того пріятно будетъ мнѣ насладиться вашимъ обществомъ и ввести васъ въ кругъ, въ которомъ, смѣю васъ увѣрить, увидите себя съ удовольствіемъ. Позвольте мнѣ прибавить, что чѣмъ болѣе родъ жизни вашей, который порицать я не намѣренъ, имѣетъ въ себѣ что-то странное, тѣмъ болѣе предстоитъ вамъ обязанность, показываясь въ свѣтъ, разсвѣять предубѣжденія, безъ сомнѣнія, неосновательныя“.

Я былъ признателенъ за благосклонность, оказываемую мнѣ человекомъ въ лѣтахъ. Я поѣхалъ къ нему: не было рѣчи объ Элеонорѣ. Баронъ оставилъ меня обѣдать у себя. Въ этотъ день было у него только нѣсколько мужчинъ, довольно умныхъ и довольно любезныхъ. Мнѣ сначала было не ловко, но я принудилъ себя, оживился, сталъ разговорчивъ: я развилъ, сколько могъ, ума и свѣдѣній. Я замѣтилъ, что мнѣ удавалось задобрить къ себѣ вниманіе. Я находилъ въ этомъ родѣ успѣховъ наслажденіе самолюбія, уже давно мнѣ невѣдомое. Отъ сего наслажденія общество барона Т. стало для меня пріятнѣе.

Мои посѣщенія повторялись. Онъ поручилъ мнѣ нѣкоторыя

занятія по своему посольству, которыя могъ ввѣрить безъ неудобства. Элеонора сперва была поражена симъ переворотомъ въ жизни моей, но я сказалъ ей о дружбѣ барона къ отцу моему и объ удовольствіи, съ которымъ утѣшаю послѣдняго въ отсутствіи моемъ, показывая себя занятымъ полезно. Бѣдная Элеонора (пишу о томъ въ сіе мгновеніе съ чувствомъ угрызенія) ощутила нѣкоторую радость, думая, что я кажусь спокойнѣе, и покорилась, сѣтуя мало, необходимости проводить часто большую часть дня въ разлукѣ со мною.

Баронъ, съ своей стороны, когда утвердилась между нами нѣкоторая довѣренность, возобновилъ рѣчь объ Элеонорѣ. Рѣшительнымъ намѣреніемъ моимъ было всегда говорить о ней доброе, но, самъ не замѣчая того, я отзывался о ней менѣе уважительно и какъ-то вольнѣе: то указывалъ я заключеніями общими, что признаю за необходимое развязаться съ нею, то отдѣлывался я съ помощію шутки, и говорилъ, смѣясь, о женщинахъ и о трудности разрывать съ ними связь. Сія рѣчи забавляли стараго министра, душою изношеннаго, который смутно помнилъ, что въ молодости своей и онъ бывалъ мучимъ любовными связями. Такимъ образомъ, именно тѣмъ, что я скрывалъ въ себѣ потаенное чувство, болѣе или менѣе я обманывалъ всѣхъ: я обманывалъ Элеонору, ибо зналъ, что баронъ Т. хотѣлъ отклонить меня отъ нее, и о томъ я ей не сказывалъ; я обманывалъ г-на***, ибо подавалъ ему надежду, что я готовъ сокрушить свои узы. Это лукавое двуличіе было совершенно противно моему характеру: но человѣкъ развращается, коль скоро хранить въ сердцѣ своемъ единую мысль, въ которой онъ постоянно вынужденъ притворствовать.

До сей поры у барона Т. познакомился я съ одними мужчинами, составляющими его короткое общество. Однажды предложилъ онъ мнѣ остаться у него на большомъ пиру, которымъ онъ праздновалъ день рожденія Государя своего. Вы тутъ увидите, сказалъ онъ мнѣ, первѣйшихъ красавицъ Польши. Правда, не увидите вы той, которую любите: жалѣю о томъ; но иныхъ женщинъ видишь только у нихъ дома. Я былъ тяжело пораженъ этимъ замѣчаніемъ; я промолчалъ, но упрекалъ себя внутренно,

что не защищаю Элеонору, которая такъ живо защитила бы меня, если бы кто задѣлъ меня въ ея присутствіи.

Собраніе было многолюдное. Меня разсматривали со вниманіемъ. Я слышалъ, какъ вокругъ меня твердили тихо имена отца моего, Элеоноры, графа П***; умолкали, когда я приближался; когда я удалялся, снова заговаривали. Мнѣ было достовѣрно, что передавали другъ другу повѣсть мою, и каждый, безъ сомнѣнія, рассказывалъ ее по своему. Мое положеніе было невыносимо: по лбу моему струился холодный потъ; я краснѣлъ и блѣднѣлъ попеременно.

Баронъ замѣтилъ мое замѣшательство. Онъ подошелъ ко мнѣ, удвоилъ знаки своей внимательности, привѣтливости; искалъ всѣ случаи отзываться обо мнѣ съ похвалою, и господство его вліянія принудило скоро и другихъ оказывать мнѣ тоже уваженіе.

Когда всѣ разѣхались, „я желалъ бы, сказалъ мнѣ баронъ Т., поговорить съ вами еще разъ откровенно. Зачѣмъ хотите вы оставаться въ положеніи, отъ котораго страдаете? Кому оказываете вы добро? Думаете ли вы, что не знаютъ того, что бываетъ между вами и Элеонорою? Всей публикѣ извѣстны ваши взаимныя размолвки и неудовольствія. Вы вредите себѣ слабостью своею; не менѣе вредите себѣ и своею суровостью, ибо, въ дополненію неосновательности, вы не составляете счастья женщины, отъ которой вы такъ несчастливы“.

Я еще былъ отягченъ горестью, которую испыталъ. Баронъ показалъ мнѣ многія письма отца моего. Они свидѣтельствовали о печали его. Она была гораздо живѣе, нежели я воображалъ. Это меня поколебало. Мысль, что я долгимъ отсутствіемъ продолжаю безпокойствіе Элеоноры, придала мнѣ еще болѣе нерѣшительности. Навонецъ, какъ будто все противъ нея соединилось. Въ то самое время, какъ я колебался, она сама своею опрометчивостью рѣшила мое недоумѣніе. Меня цѣлый день не было дома. Баронъ удержалъ меня послѣ собранія: ночь наступила. Мнѣ подали письмо отъ Элеоноры въ присутствіи барона Т. Я видѣлъ въ глазахъ его нѣкоторую жалость къ моему порабощенію. Письмо Элеоноры было исполнено горечи. Какъ, го-

ворилъ я себѣ, я не могу провести день одинъ на свободѣ! Я не могу дышать часъ въ повоѣ! Она гонится за мною всюду, какъ за невольникомъ, котораго должно пригнать въ ногамъ ея. Я былъ тѣмъ болѣе озлобленъ, что чувствовалъ себя слабымъ.— Такъ, воскликнулъ я, приѣмлю обязанность разорвать связь съ Элеонорою; буду имѣть смѣлость самъ объявить ей о томъ. Вы можете заранѣе увѣдомить отца о моемъ рѣшеніи.

Сказавъ сіи слова, я бросился отъ барона; я задыхался отъ словъ, которыя выговорилъ — и едва вѣрилъ обѣщанію, данному мною.

Элеонора ждала меня съ нетерпѣніемъ. По странной случайности, ей говорили въ моемъ отсутствіи въ первый разъ о стараніяхъ барона Т. оторвать меня отъ нее. Ей пересказали мои рѣчи, шутки. Подозрѣнія ея были пробуждены, и она собрала въ умѣ своемъ многія обстоятельства, ихъ подтверждающія. Скоропостижная связь моя съ человѣкомъ, котораго я прежде никогда не видалъ; дружба, существовавшая между этимъ человѣкомъ и отцемъ моимъ, казались ей доказательствами безпревословными. Ея волненіе такъ возросло въ нѣсколько часовъ, что я засталъ ее совершенно убѣжденною въ томъ, что называла она моимъ предательствомъ.

Я сошелся съ нею въ твердомъ намѣреніи ей все сказать. Обвиняемый ею (кто этому повѣритъ?), я занялся только стараніемъ отъ всего отдѣлаться. Я отрицалъ даже, да, отрицалъ въ тотъ день то, что я твердо былъ рѣшенъ объявить ей завтра.

Уже было поздно; я оставилъ ее. Я поспѣшилъ лечь, чтобы кончить этотъ долгій день, и когда я былъ увѣренъ, что онъ конченъ, я почувствовалъ себя на ту пору облегченнымъ отъ бремени ужаснаго.

Я на другой день всталъ около половины дня; какъ будто удаляя начало нашего свиданія, я удалилъ ровное мгновеніе.

Элеонора успокоилась ночью и своими собственными размышленіями, и вчерашними моими рѣчами. Она говорила мнѣ о дѣлахъ своихъ съ довѣрчивостью, показывающею слишкомъ явно, что она полагаетъ наше обоюдное существованіе неразрывно

соединеннымъ. Гдѣ найти слова, которыя оттолкнули бы ее въ одиночество?

Время текло съ ужасающею быстротою. Каждая минута усиливала необходимость объясненія. Изъ трехъ дней, положенныхъ мною рѣшительнымъ срокомъ, второй былъ уже на исходѣ. Г. Т. ожидалъ меня, по крайней мѣрѣ, черезъ день. Письмо его къ отцу моему было отправлено, и я готовился измѣнить моему обѣщанію, не совершивъ для исполненія его ни малѣйшаго покушенія. Я выходилъ, возвращался, бралъ Элеонору за руку, начиналъ фразу и тотчасъ прерывалъ ее, глядѣлъ на теченіе солнца, спускающагося по небосклону. Ночь вторично наставала. Я отложилъ снова. Оставался мнѣ день одинъ: довольно было часа.

День этотъ минулъ, какъ предыдущій. Я писалъ къ барону Т. и просилъ у него отсрочки на малое время — и, какъ свойственно характерамъ слабымъ, я прицѣлъ въ письмо моему тысячу разсужденій, оправдывающихъ мою просьбу. Я, доказывалъ, что она ни въ чемъ не препятствуетъ рѣшенію, въ которомъ я утвердился, и что съ того самаго числа можно почесть узы мои съ Элеонорою навсегда разорванными.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Слѣдующіе дни провелъ я спокойнѣе. Необходимость дѣйствовать откинулъ я въ неопредѣленность: она уже не преслѣдовала меня, какъ привидѣніе. Я полагалъ, что у меня довольно времени приготовить Элеонору. Я хотѣлъ быть ласковѣе, нѣжнѣе съ нею, чтобы сохранить, по крайней мѣрѣ, воспоминаніе дружбы. Мое смятеніе было иногда совершенно различно отъ испытаннаго мною до того времени. Я прежде молилъ небо, чтобы оно воздвигло вдругъ между Элеонорою и мною преграду, которой не могъ бы я преступить. Сія преграда была воздвигнута. Я вперяль взоры свои на Элеонору, какъ на существо, которое скоро утрачу. Взыскательность, казавшаяся мнѣ столько разъ нестерпимою, уже не пугала меня; я чувствовалъ себя разрѣшеннымъ отъ нее заранѣе. Я былъ свободнѣе, уступая ей еще— и я уже не ощущалъ сего возмущенія внутренняго, отъ котораго нѣкогда порывался все растерзать. Во мнѣ уже не было нетерпѣнія: было напротивъ желаніе тайное отдалить бѣдственную минуту.

Элеонора замѣтила сіе расположеніе къ ласковости и чувствительности: она сама стала менѣе раздражительна. Я искалъ разговоровъ, которыхъ прежде убѣгалъ; я наслаждался выраженіями любви ея, недавно докучными, драгоценными нынѣ, потому что каждый разъ могли они быть послѣдними.

Однимъ вечеромъ разстались мы послѣ бесѣды, которая была сладостнѣе обыкновеннаго. Тайна, которую заключилъ я въ груди моей, наводила на меня грусть, но грусть моя не

имѣла ничего порывнаго. Невѣдѣніе въ эпохѣ разрыва, желаннаго мною, содѣйствовало мнѣ въ отвращенію мысли о немъ. Ночью услышалъ я въ замкѣ шумъ необычайный; шумъ этотъ утихъ, и я не придавалъ ему никакой важности. Утромъ, однако же, я вспомнилъ о немъ, хотѣлъ развѣдать причину и пошелъ въ покою Элеоноры. Какое было мое удивленіе, когда узналъ я, что уже двѣнадцать часовъ была она въ сильномъ жару, что врачъ, призванный домашними, находилъ жизнь ея въ опасности, и что она строго запретила извѣстить меня о томъ, или допустить меня къ ней.

Я хотѣлъ войти силою. Докторъ вышелъ самъ ко мнѣ и сказалъ о необходимости не наносить ни малѣйшаго потрясенія. Онъ приписывалъ запрещеніе ея, котораго причины не зналъ, желанію не напугать меня. Я спрашивалъ людей Элеоноры съ тоскою о томъ, что могло повергнуть ее скоропостижно въ столь опасное положеніе. Наканунѣ, разставшись со мною, получила она изъ Варшавы письмо, привезенное верховымъ посланнымъ. Распечатавъ и пробѣжавъ его, упала она въ обморокъ; пришедши въ себя, бросилась она на постель, не произнося ни слова. Одна изъ женщинъ, при ней служащихъ, уstraшенная волненіемъ, замѣченнымъ въ ней, осталась въ ея комнатѣ безъ ея вѣдома. Около половины ночи эта женщина увидѣла Элеонору объятую дрожью, отъ которой шаталась кровать, гдѣ она лежала; она хотѣла призвать меня. Элеонора тому противилась съ нѣкоторымъ ужасомъ, столь поразительнымъ, что не посмѣли послушаться ея. Тогда послали за докторомъ. Элеонора не согласилась, не соглашалась и еще отвѣчать ему. Она провела ночь, выговаривая слова перерывныя, которыхъ не понимали; часто прикладывая она платокъ свой къ губамъ, какъ будто съ тѣмъ, чтобы не давать себѣ говорить.

Пока мнѣ рассказывали всѣ эти подробности, другая женщина, остававшаяся при Элеонорѣ, прибѣжала испуганная: Элеонора, казалось, лишилась чувствъ и движенія. Она не различала ничего кругомъ себя. Иногда испускала вопли, твердила мое имя; потомъ, уstraшенная, подавала знакъ рукою, какъ будто указывая, чтобы удалили отъ нея предметъ ей ненавистный.

Я вошелъ въ ея горницу. Я увидѣлъ у подножія кровати ея два письма: одно изъ нихъ было мое къ барону Т., другое отъ него самого въ Элеонорѣ. Тогда постигъ я слишкомъ явно слова сей ужасной загадки. Всѣ усилія мои для исхода тайствованія времени, которое хотѣлъ посвятить на послѣднее прощаніе, обратились, такимъ образомъ, противъ несчастливцы, которую желалъ я побережь. Элеонора прочла начертанныя рукою моею обѣщанія покينуть ея, обѣщанія, подсказанныя мнѣ единственнымъ желаніемъ оставаться долѣе при ней — и живость сего самаго желанія побудила меня повторить его, развить тысячью образами. Взглядъ равнодушный барона Т. легко разобралъ въ сихъ увѣреніяхъ, повторяемыхъ на каждой строкѣ, нерѣшительность, которую утаивалъ я, и лукавство моего собственнаго недоумѣнія. Но жестокой расчелъ слишкомъ вѣрно, что Элеонора увидитъ въ нихъ приговоръ неотрѣшимый. Я приблизился къ ней: она взглянула на меня, не узнавая. Я заговорилъ съ ней: она вздрогнула. Что слышу? вскричала она: это голосъ, который былъ для меня такъ пагубенъ. Докторъ замѣтилъ, что приуствіе мое умножаетъ жаръ и разстройство ея, и умолялъ меня удалиться. Какъ изобразить то, что я испыталъ въ теченіе трехъ часовъ продолжительныхъ? Докторъ, наконецъ, вышелъ; Элеонора была въ глубокомъ забытіи. Онъ не отчаявался въ спасеніи ея, если послѣ пробужденія жаръ ея умѣрится.

Элеонора спала долго. Узнавъ о пробужденіи, я написалъ ей, испрашивая позволенія придти къ ней. Она велѣла впустить меня. Я началъ говорить; она прервала рѣчи мои. — Да не услышу отъ васъ, сказала она, ни одного слова жестокаго. Я уже ничего не требую, ничему не противлюсь, но не хочу, чтобы сей голосъ, который такъ любила, который отзывался въ глубинѣ сердца моего, проникалъ его нынѣ для терзанія. Адольфъ, Адольфъ, я была вспыльчива, неумѣренна; я могла васъ оскорбить, но вы не знаете, что я выстрадала. Дай Богъ вамъ никогда не узнать того.

Волненіе ея становилось безмѣрнымъ. Она приложила руку мою ко лбу своему: онъ горѣлъ; напряженіе ужасное искажало черты ея. — Ради самого Бога, вскричалъ я, милая Элеонора,

услышите меня! Такъ, я виновенъ: письмо сіе... Она затрепетала и хотѣла удалиться; я удержалъ ее.—Слабый, мучимый, продолжалъ я, я могъ уступить на мгновение увѣщаніямъ жестокимъ, но не имѣете ли сами тысячи доказательствъ, что не могу желать того, что разлучить насъ. Я былъ недоволенъ, несчастливъ, несправедливъ; можетъ быть, слишкомъ стремительными боре-ніями съ воображеніемъ неповорнымъ дали вы силу намѣреніямъ преходящимъ, которыми гнушаюсь нынѣ; но можете ли вы сомнѣваться въ моей привязанности глубокой? Наши души не скованы ли одна съ другою тысячею узъ, которыхъ ничто разорвать не можетъ? Все минувшее намъ не обоемъ ли заодно? Можемъ ли вкнутъ взглядъ на три года, теперь истекшіе, не припоминая себѣ впечатлѣній, которыя мы раздѣляли, удовольствій, которыя мы раздѣляли, удовольствій, которыя ввѣшали; печалей, которыя перенесли вмѣстѣ. Элеонора, вачнемъ съ нынѣшняго дня новую эпоху, воротимъ часы блаженства и любви. Она поглядѣла на меня нѣсколько времени съ видомъ сомнѣнія. Вашъ отецъ, сказала она мнѣ наконецъ, ваши обязанности, ваше семейство, чего ожидаютъ отъ васъ?... Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ я, со временемъ, когда нибудь, можетъ быть... Она замѣтила, что я запинаюсь.—Боже мой! вскричала она, въ чему возвратилъ онъ мнѣ надежду, чтобы тутъ же и похитить ее! Адольфъ, благодарю васъ за усилія ваши: они были для меня благодѣтельны, тѣмъ благодѣтельнѣе, что вамъ не будутъ стоить, надѣюсь, никакой жертвы, но умоляю васъ, не станемъ говорить болѣе о будущемъ. Не вините себя ни въ чемъ, чтобы ни было. Вы были добры для меня. Я хотѣла невозможнаго. Любовь была всею жизнью моею: она не могла быть вашею. По-заботьтесь обо мнѣ еще нѣсколько дней. Слезы потекли обильно изъ глазъ ея; дыханіе ея было менѣе стѣснено. Она преклонила голову свою на плечо мое.—Вотъ здѣсь, сказала она, всегда я умереть желала. Я прижалъ ее въ сердцу моему, отрекался снова отъ моихъ намѣреній, отрицалъ свое изступленіе жестокое.—Нѣтъ, возразила она, вы должны быть свободнымъ и довольнымъ. Могу ли быть имъ, если вы будете несчастны? Я не долго буду несчастлива; вамъ не долго будетъ жалѣть обо мнѣ.

Я увлонилъ отъ себя страхъ, который хотѣлъ почитать вымысленнымъ.—Нѣтъ, нѣтъ, милый Адольфъ, когда мы долго призывали смерть, небо посылаетъ намъ, наконецъ, какое-то предчувствіе безошибочное, увѣряющее насъ, что молитва наша услышана. Я клялся ей никогда не покидать ее.—Я всегда надѣялась на то, теперь я въ томъ увѣрена.

Тогда былъ одинъ изъ тѣхъ зимнихъ дней, въ которые солнце, кажется, озаряетъ печально сѣроватыя поля, какъ будто глядя жалостно на землю, уже имъ несогрѣваемую. Элеонора предложила мнѣ пройтись съ нею.—Холодно, сказалъ я ей.—Нѣтъ нужды, мнѣ хотѣлось бы пройтись съ вами. Она взяла меня за руку. Мы шли долго, не говоря ни слова; она подвигалась съ трудомъ и опиралась почти вся на меня.—Остановимся на минуту.—Нѣтъ, отвѣчала она, мнѣ пріятно чувствовать, что вы меня еще поддерживаете. Мы снова углубились въ молчаніе. Небо было чисто, но деревья стояли безъ листьевъ; ни малѣйшее дуновеніе не колебало воздуха; никакая птица не разсѣкала его: все было неподвижно, и слышался только шумъ травы замерзнувшей, которая дробилась подъ шагами нашими.—Какъ все тихо! сказала мнѣ Элеонора. Какъ природа предается покорно! Сердце также не должно ли учиться покорности? Она сѣла на камень; вдругъ упала на колѣна и, склонивъ голову, уперла ее на обѣ руки свои. Я услышалъ нѣсколько словъ, произнесенныхъ тихимъ голосомъ. Я догадался, что она молится.—Привставъ, наконецъ,—возвратимся домой, сказала она: холодъ проникнулъ меня. Боюсь, чтобы не сдѣлалось мнѣ дурно. Не говорите мнѣ ничего: я не въ состояніи слышать васъ.

Отъ сего дня Элеонора стала слабѣть и изнемогать. Я собралъ ото-всюду докторовъ. Одни объявили мнѣ, что болѣзнь неизлѣвима, другіе ласкали меня надеждами несбыточными, но природа мрачная и безмолвная довершала рукою невидимою свой трудъ немилосердный. Мгновеніями, Элеонора, казалось, оживала. Иногда можно было подумать, что желѣзная рука, на ней тяготѣвшая, удалилась. Она приподнимала голову свою томную; щеки ея отцвѣчивались красками, болѣе живыми; глаза ея становились свѣтлѣе; но вдругъ, какъ будто игрою жестокою не-

вѣдомой власти, сей благопріятный обманъ пропадалъ, и искусство не могло угадать причину тому. Я видѣлъ ее, такимъ образомъ, подвигающуюся постепенно къ разрушенію. Я видѣлъ, какъ означались на семь лицѣ, столь благородномъ и выразительномъ, примѣты—предшественницы кончины. Я видѣлъ зрѣлице унижительное и прискорбное—какъ сей характеръ, силы исполненный и гордый, принималъ отъ страданія физическаго тысячу впечатлѣній смутныхъ и нестройныхъ, какъ будто въ сіи роковыя мгновенія душа, смятая тѣломъ, превращается всячески, чтобы поддаваться съ меньшимъ трудомъ упадку органовъ.

Одно чувство не измѣнялось никогда въ сердцѣ Элеоноры—чувство нѣжности ко мнѣ. Слабость ея позволяла рѣдко ей разговаривать со мною; но она вперяла на меня глаза свои въ молчаніи, и мнѣ казалось тогда, что взгляды ея просили отъ меня жизни, которой уже я не въ силахъ былъ ей дать. Я боялся потрясеній, слишкомъ для нее тяжкихъ; я вымыплялъ тысячу предлоговъ, чтобы выходить изъ комнаты; я обѣгалъ наудачу всѣ мѣста, гдѣ бывалъ вмѣстѣ съ нею; орошалъ слезами своими камни, подошвы деревьевъ, всѣ предметы, напоминашіе мнѣ о ней.

То не были сѣтованія любви: чувство было мрачнѣе и печальнѣе; любовь такъ соединяется съ любимымъ предметомъ, что и въ самомъ отчаяніи ея есть нѣкоторая прелесть. Любовь бсрется съ дѣйствительностью, съ судьбою: пылъ ея желанія ослѣпляетъ ее въ измѣреніи силъ своихъ и воспламеняетъ ее среди самой скорби. Моя скорбь была томная и одинокая. Я не надѣялся умереть съ Элеонорою; я готовился жить безъ нея въ сей пустынѣ свѣта, которую желалъ столько разъ пройти независимый. Я сокрушилъ существо, меня любившее; я сокрушилъ сіе сердце, бывшее товарищемъ моему—сердце, которое упорствовало въ преданности своей ко мнѣ, въ нѣжности неутомимой. Уже одиночество меня настигало. Элеонора дышала еще, но я уже не могъ повѣрять ей мысли мои: я былъ уже одинъ на землѣ; я не жилъ уже въ сей атмосферѣ любви, которую она разливала вокругъ меня. Воздухъ, которымъ я дышалъ, казался мнѣ суровѣе, лица людей, встрѣчаемыхъ мною,

казались мнѣ равнодушнѣе: вся природа какъ будто говорила мнѣ, что я навсегда перестану быть любимымъ. Опасность Элеоноры скоропостижно возрасла: признаки неотвергаемые удосто-вѣрили въ близкой ея кончинѣ. Священникъ объявилъ ей о томъ. Она просила меня принести ларецъ, хранящій много бумагъ. Нѣсколько изъ нихъ велѣла она сжечь при себѣ; но, казалось, искала она одной, которой не находила, и безпокойствіе ея было безмѣрно. Я умолялъ ее оставить эти розыски, для нея утомительные, видя, что она уже два раза падала въ обморокъ. — Соглашаюсь, отвѣчала она, но, милый Адольфъ, не откажите мнѣ въ просьбѣ. Вы найдете между бумагами моими, не знаю гдѣ, письмо на ваше имя; сожгите его не прочитавъ; заклинаю васъ въ томъ именемъ любви нашей, именемъ сихъ послѣднихъ минутъ, услажденныхъ вами! Я обѣщалъ ей; она успокоилась. — Оставьте меня теперь предаться обязанностямъ моимъ духовнымъ: мнѣ во многихъ проступкахъ очиститься должно: любовь моя къ вамъ была, можетъ быть, проступокъ. Я однако же не подумала бы того, если бы любовью моею были вы счастливы.

Я вышелъ. Я возвратился къ ней только со всѣми ея домашними, чтобы присутствовать при послѣднихъ и торжественныхъ молитвахъ. На колѣнахъ, въ углу комнаты ея, я то низвергался въ мои мысли, то созерцалъ по любопытству невольному всѣхъ сихъ людей собранныхъ, ужасъ однихъ, развлеченіе прочихъ и сіе странное вліяніе привычки, которая вводитъ равнодушіе во всѣ обряды предписанные и заставляетъ смотрѣть на дѣйствія самыя священныя и страшныя, какъ на исполненія условныя и совершаемыя только для порядка. Я слышалъ, какъ эти люди твердили машинально отходныя слова, какъ будто не придется и имъ быть нѣкогда дѣйствующими лицами въ подобномъ явленіи, какъ будто и имъ не придется никогда умирать. Я, однако же, былъ далекъ отъ пренебреженія сими обрядами: есть ли изъ нихъ хотя одинъ, котораго тщету осмѣлится признать человекъ, въ невѣдѣніи своемъ? Они придавали спокойствіе Элеонорѣ; они помогали ей переступить сей шагъ ужасный, къ которому мы подвигаемся всѣ, не имѣя возможности предвидѣть, что будемъ тогда ощущать. Удивляюсь не тому, что

человѣку нужна одна религія. Меня удивляетъ то: какъ онъ почитаетъ себя столько сильнымъ, столько защищеннымъ отъ несчастій, что дерзаетъ отвергнуть хотя единую! Онъ долженъ бы, мнѣ вѣжется, въ безсиліи своемъ призвать всѣ. Въ ночи глубокой, насъ окружающей, есть ли одно мерцаніе, которое могли бы мы отвергнуть? Посреди потока, насъ увлекающаго, есть ли хотя одна вѣтвь, отъ которой смѣли бы мы отказаться для спасенія?

Впечатлѣніе, произведенное надъ Элеонорою священнодѣйствіемъ столь печальнымъ, казалось, утомило ее. Она заснула сномъ довольно спокойнымъ; пробудившись, она менѣе страдала! Я былъ одинъ въ ея комнатѣ. Мы другъ съ другомъ говорили по временамъ и по долгимъ разстановкамъ. Докторъ, который въ своихъ предположеніяхъ показался мнѣ достовѣрнѣе, предсказалъ мнѣ, что она не проживетъ сутокъ. Я смотрѣлъ, поочередно, на стѣнные часы и на лицо Элеоноры, на коемъ не замѣчалъ никакого новаго измѣненія. Каждая истекающая минута оживляла мою надежду, и я начиналъ сомнѣваться въ предсказаніяхъ искусства обманчиваго. Вдругъ Элеонора воспрянула движеніемъ скоропостижнымъ; я удержалъ ее въ объятіяхъ моихъ. Судорожная дрожь волновала все тѣло ея; глаза ея искали меня; но въ глазахъ ея изображался испугъ неопредѣленный, какъ будто просила она о помилованіи у чего-то грознаго, укрывавшагося отъ моихъ взоровъ. Она приподымалась, она падала; видно было, что она силится бѣжать. Можно было думать, что она борется съ владычествомъ физическимъ невидимымъ, которое, насвучивъ ждаты мгновенія роковаго, ухватило ее и держало, чтобы довершить ее на сей постелѣ смертной. Наконецъ, уступила она озлобленію природы враждующей: члены ея расслабли. Казалось, она нѣсколько пришла въ память; она пожала мою руку. Ей хотѣлось говорить—уже не было голоса. Какъ будто покорившись, она склонила голову свою на руку, ее поддерживающую; дыханіе ея становилось медленнѣе. Прошло еще нѣсколько минутъ, и ея уже не стало.

Я стоялъ долго неподвиженъ близь Элеоноры безжизненной. Убѣжденіе въ ея смерти не проникло еще въ мою душу. Глаза

мои созерцали съ тупымъ удивленіемъ сіе тѣло неодушевленное. Одна изъ женщинъ, вошедшая въ комнату, разгласила по дому бѣдственное извѣстіе. Шумъ, раздавшійся кругомъ, вывелъ меня изъ оцѣпленія, въ которое я былъ погруженъ; я всталъ. Тогда только ощутилъ я скорбь раздирающую и весь ужасъ прощанія безвозвратнаго. Столько движенія, сей дѣятельности жизни ежедневной, столько заботъ, столько волненія, которыя уже всѣ были чужды ей, разсѣяли заблужденіе, которое я про-длить хотѣлъ — заблужденіе, по которому я думалъ, что еще существую съ Элеонорою. Я почувствовалъ, какъ преломилось послѣднее звено, какъ ужасная дѣйствительность стала навсегда между нею и мною, какъ тягчила меня сія свобода, о которой прежде я такъ сѣтовалъ, какъ недоставало сердцу моему той зависимости, противъ которой я такъ часто возмущался! Недавно мои всѣ дѣянія имѣли цѣль: каждымъ изъ нихъ я увѣренъ былъ отклонить неудовольствіе, или доставить радость. Тогда я жаловался на это; мнѣ досаждало, что дружескіе взоры слѣдятъ мои поступки, что счастье другаго къ нимъ привязано. Никто теперь не сторожилъ за ними, никто о нихъ не заботился. У меня не оспаривали ни времени, ни часовъ моихъ; никакой голосъ не звалъ меня, когда я уходилъ. Я былъ дѣйствительно свободенъ; я уже не былъ любимъ — я былъ чужой всему свѣту.

По волѣ Элеоноры принесли мнѣ всѣ бумаги ея. На каждой строкѣ встрѣчалъ я новыя доказательства любви и новыя жертвы, кои она мнѣ принесла и сокрывала отъ меня. Я нашелъ, наконецъ, то письмо, которое обѣщался было сжечь, а сначала не узналъ его: оно было безъ надписи и раскрыто. Нѣсколько словъ поразили взоры мои противъ моей воли. Напрасно покушался я отвести ихъ отъ него: я не могъ воспротивиться потребности прочитать письмо вполне. Не имѣю силы переписать его. Элеонора начертала его послѣ одной изъ бурныхъ сшибокъ нашихъ, незадолго до болѣзни ея. Адольфъ, говорила она мнѣ, зачѣмъ озлобились вы противъ меня? Въ чемъ мое преступленіе? Въ одной любви моей къ вамъ, въ невозможности жить безъ васъ! По какому своенравному состраданію не смѣете

вы сокрушить узы, которыя вамъ въ тягость, и раздираете существо несчастное, при которомъ состраданіе васъ удерживаетъ. Почему отказываете вы мнѣ въ грустномъ удовольствіи почитать васъ, по крайней мѣрѣ, великодушнымъ? Зачѣмъ являетесь бѣшенымъ и слабымъ? Мысль о скорби моей васъ преслѣдуетъ; зрѣлище сей скорби не можетъ васъ остановить. Чего вы требуете? Чтобы я васъ побинула? Или не видите, что недостаетъ мнѣ силы на это? Ахъ, вамъ, которые не любите, вамъ найти эту силу въ сердцѣ усталомъ отъ меня, и которое вся любовь моя обезоружить не можетъ! Вы мнѣ не дадите этой силы: вы заставите меня изныть въ слезахъ моихъ и умереть у вашихъ ногъ. Скажите слово, писала она въ другомъ мѣстѣ,—есть ли край, куда я не послѣдовала бы за вами? Есть ли потаенное убѣжище, куда я не сокрылась бы жить при васъ, не бмвъ бременемъ въ жизни вашей? Но нѣтъ, вы не хотите того. Робкая и трепетная, потому что вы меня оковали ужасомъ, предлагаю ли вамъ виды свои для будущаго — вы ихъ всѣ отвергаете съ досадою. Легче всего я добивалась отъ васъ молчанія вашего. Такая жестокость несходна съ вашимъ нравомъ. Вы добры; ваши поступки благородны и безкорыстны. Но какіе поступки могли бы изгладить ваши слова? Сія язвительныя слова звучать вокругъ меня. Я слышу ихъ ночью; они гоняются за мною, они меня пожираютъ; они отравляютъ все, что вы ни дѣлаете. Должно ли мнѣ умереть, Адольфъ? Пожалуй, вы будете довольны. Она умереть, сіе бѣдное созданіе, которому вы покровительствовали, но которое разите повторенными ударами. Она умереть, сія докучная Элеонора, которую не можете выносить при себѣ, на которую смотрите, какъ на препятствіе, для которой не находите на землѣ мѣста вамъ не въ тягость. Она умереть. Вы пойдете одни посреди сей толпы, въ которую вамъ такъ не терпится вмѣшаться. Вы узнаете людей, которыхъ нынѣ благодарите за ихъ равнодушіе — и, можетъ быть, нѣкогда, смятые сими сердцама черствыми, вы пожалѣете о сердцѣ, которымъ располагали; о сердцѣ, жившемъ привязанностью къ вамъ, всегда готовомъ на тысячу опасностей для защиты вашей; о сердцѣ, которое уже не удостоиваете награждать ни единымъ взглядомъ.

ПИСЬМО КЪ ИЗДАТЕЛЮ.

Возвращаю вамъ, милостивый государь, рукопись, которую вамъ угодно было мнѣ повѣрить. Благодарю васъ за это снисхождение, хотя и пробудило оно во мнѣ горестныя воспоминанія, взгляденныя временемъ. Я зналъ почти всѣ лица, дѣйствовавшія въ сей повѣсти, слишкомъ справедливой, и видалъ часто своеюравнаго и несчастнаго Адольфа, который былъ авторомъ и героемъ оной. Я нѣсколько разъ покушался оторвать совѣтами моими сію прелестную Элеонору, достойную участи счастливѣйшей и сердца постояннѣйшаго, отъ человѣка пагубнаго, который, не менѣе ея бѣдствующій, владычествовалъ ею какимъ-то волшебствомъ и раздиралъ ее слабостью своею. Увы, когда я видѣлся съ нею въ послѣдній разъ, я полагалъ, что далъ ей нѣсколько силы, что вооружилъ разумъ ея противъ сердца! Послѣ слишкомъ долгаго отсутствія, я возвратился къ мѣстамъ, гдѣ оставалъ ее—и нашелъ одинъ только гробъ.

Вамъ должно бы, милостивый государь, напечатать сію повѣсть. Она отнынѣ не можетъ быть никому оскорбительна и была бы, по моему мнѣнію, не бесполезна. Несчастіе Элеоноры доказываетъ, что самое страстное чувство не можетъ бороться съ порядкомъ установленнымъ. Общество слишкомъ самовластно. Оно выказывается въ столькихъ измѣненіяхъ; оно придаетъ слишкомъ много горечи любви, не освященной имъ; оно благопріятствуетъ сей навлонности къ непостоянству и сей усталости вѣтерпѣливой, недугамъ души, которые захватываютъ ее иногда своропостижно среди нѣжной связи. Равнодушныя съ рѣдкимъ

усердіемъ спѣшать быть досадниками во имя нравственности и вредными изъ любви къ добродѣтели. Подумаешь, что зрѣлище привязанности имъ въ тягость, потому что они не способны къ оной, и когда могутъ они воспользоваться предлогомъ, они съ наслажденіемъ поражаютъ и губятъ ее. И такъ, горе женщинѣ, опершейся на чувство, которое все стремится отравить, и противъ коего общество, когда не вынуждено почитать его законность, вооружается всѣмъ, что есть порочнаго въ сердцѣ чело-вѣческомъ, чтобы охолодить все, что есть добраго.

Примѣръ Адольфа будетъ не менѣе назидателенъ, если вы добавите, что, отразивъ отъ себя существо, его любившее, онъ не переставалъ быть беспокойнымъ, смутнымъ, недовольнымъ, что онъ не сдѣлалъ никакого употребленія свободы, имъ вновь приобрѣтенной цѣною столькихъ горестей и столькихъ слезъ, и что, оказавшись достойнымъ порицанія, оказался онъ такъ же и достойнымъ жалости!

Если вамъ нужны доказательства, прочтите, милостивый государь, сіи письма, которыя вамъ повѣдаютъ участь Адольфа. Вы увидите его въ обстоятельствахъ различныхъ и всегда жертвою сей смѣси эгоизма и чувствительности, которые сливались въ немъ, къ несчастію его и другихъ. Предвидя зло до совершенія онаго, и отступающій съ отчаяніемъ, совершивъ его; наказанный за свои благія качества еще болѣе, нежели за порочныя,—ибо источникъ первыхъ былъ въ его впечатлѣніяхъ, а не въ правилахъ, поочередно, то самый преданный, то самый жестокосердый изъ людей, но всегда кончавшій жестокосердіемъ то, что зачато было преданностью, онъ оставилъ по себѣ слѣды однихъ своихъ проступковъ.

ОТВѢТЪ.

Такъ, милостивый государь, я издамъ рукопись, возвращенную вами (не потому, что думаю согласно съ вами о пользѣ, которую она принести можетъ: каждый только своимъ убыткомъ изучается въ здѣшнемъ свѣтѣ, и женщины, которымъ рукопись попадется, вообразятъ всѣ, что онѣ избрали не Адольфа, или что онѣ лучше Элеоноры; но я ее выдамъ, какъ повѣсть до-

возьно истинную о нищетѣ сердца человѣческаго). Если она заключаетъ въ себѣ урокъ поучительный, то сей урокъ относится къ мужчинамъ. Онъ доказываетъ, что сей умъ, которымъ столь тщеславятся, не помогаетъ ни находить, ни давать счастья; онъ доказываетъ, что характеръ, твердость, вѣрность, доброты суть дары, которыхъ должно просить отъ неба, и я не называю добротою сего состраданія переходчиваго, которое не покоряетъ потерпѣнія и не препятствуетъ ему раскрыть язвы, на минуту замѣченныя сожалѣніемъ. Главное дѣло въ жизни есть скорбь, которую наносимъ, и самая замысловатая метафизика не оправдываетъ человѣка, разодравшаго сердце, его любившее. Ненавижу, впрочемъ, сіе самохвальство ума; который думаетъ, что все изъяснимое уже извинительно; ненавижу сію суетность, занятую собою, когда она повѣствуетъ о предѣ, ея совершенномъ, которая хочетъ заставить сожалѣть о себѣ, когда себя описываетъ и, паря неразрушимая посреди развалинъ, старается себя изслѣдовать, вмѣсто того, чтобы раскаяваться. Ненавижу сію слабость, которая обвиняетъ другихъ въ собственномъ своемъ безсиліи и не видитъ, что зло не въ окружающихъ, а въ ней самой. Я угадалъ бы, что Адольфъ былъ за характеръ свой наказанъ самимъ характеромъ своимъ, что онъ не слѣдовалъ никакой стезѣ опредѣленной, не совершилъ никакого подвига полезнаго, что онъ истощилъ свои способности безъ направленія ни на что, кромѣ своеправія, безъ силы, кромѣ раздраженія; я угадалъ бы все это, если бы вы и не доставили мнѣ объ участіи его новыхъ подробностей, коими, не знаю еще, воспользуюсь, или нѣтъ. Обстоятельства всегда маловажны: все въ характерѣ. Напрасно раздѣливаешься съ предметами и существами внѣшними: съ собою раздѣлаться невозможно. Мѣняешь положеніе, но переносишь въ каждое скорбь, отъ коей отвязаться надѣялся; перемѣщая себя, не исправляешься, и потому прибавляешь только угрызения къ сожалѣніямъ и проступки къ страданіямъ.

